Нелюбовь

Автор:
Яна Ясинская

Нелюбовь

Яна Ясинская

Любовь случается. Семейные истории

Динка всю жизнь терпела нападки матери. Одной радостью и спасением от грозной, придирчивой, злой родительницы стал сводный брат Сашка. Ребята знают, что кровных связей между ними нет, есть только настоящая, чистая любовь, но…

Нелюбимая дочь – вечная проблема для Тамары. Другое дело приемный сын Александр – все, что осталось от покойного мужа, любовь и память к которому Тамара бережно хранит в сердце. Старший сын – единственная опора одинокой женщины. Разве может она позволить нерадивой дочери отнять его?

Яна Ясинская

Нелюбовь

Динка

Наши дни. Москва. Рублевское шоссе

Казалось, еще немного и летний зной расплавит асфальт на полупустом шоссе, которое соединяет элитный пригород с Первопрестольной. Ярко-синее небо, зелень листвы. Этот жаркий летний полдень можно было бы назвать умиротворяющим, если бы не разносящееся на всю округу истошно-жизнерадостное песнопение Верки Сердючки, вылетающее из окна «низко парящей» ярко-красной «женской» иномарки.

– А я иду такая вся в «Дольче Габбана»! Я иду такая вся – на сердце рана! Слезы душат, душат! Я в плену обмана. А я иду такая вся в «Дольче Габбана»!

Бэк-вокалом шел приятный, но при этом откровенно фальшивящий голос девушки, сидящей за рулем, – Динки. С первого взгляда трудно было угадать, сколько ей лет. Хрупкая, утонченная. Обычно ей давали девятнадцать, и это порой серьезно мешало ее работе замдиректора дизайнерского агентства. Каждый раз приходилось доказывать на деле, что она профи в своей области. Причем профи со стажем!

Динаре было двадцать восемь. Она обладала необычной утонченной аристократической красотой – словно сошла с картины позапрошлого века. Выразительные зеленые глаза, светло-фарфоровая кожа, копна пшенично-русых волос. Хотя не обошлось и без явных дефектов. Очевидно, что медведь не просто наступил на ухо Динки, но еще и изрядно на нем потанцевал, потому что из семи нот она попадала лишь в две. И то случайно.

Настроение у Дины было отличное. Она только что заключила крупный контракт и теперь с чувством выполненного долга спешила домой, без стеснения давя на газ. Скорость, адреналин, драйв Динка любила. Как и жизнь, к которой уже давно научилась относиться как к партии в шахматы, с намерением выиграть оную во что бы там ни стало.

Витая в своих мыслях, девушка не сразу заметила, как с ее машиной поравнялась другая – спортивная иномарка, расписанная под акулу, из окна которой тут же высунулся чуть ли не по пояс один из пассажиров – мажор лет 20, ошибочно приняв Динару за ровесницу, решив на ходу позаигрывать с автоледи на скорости. Было заметно, что и водитель (такой же сынок богатого папы) и пассажир были либо изрядно пьяны, либо под наркотой.

– Эй, чика! Тормози! Потусим!

Динка бросила поверх темных очков насмешливый взгляд на собеседника и, показав в ответ неприличный жест, прибавила газу.

– В твоих мечтах, мальчик!

Ее машина ловко скрылась за поворотам, виртуозно вывернув перед идущей навстречу фуре, перед которой испуганным мажорам пришлось притормозить.

– Вот су… – немного придя в себя, только и смог выдохнуть незадачливый ухажер.

В жизни Динки хватало проблем и без мужиков, поэтому знакомиться с кем-то она не собиралась. Не особо сбавляя скорости, девушка бросила оценивающий взгляд на свое отражение в зеркале заднего вида. Заметив, что яркая помада уже слегка съелась, пошарила свободной рукой в сумочке, лежащей на соседнем сиденье, достала помаду. В этот момент зазвонил мобильный. Включив его на громкую связь, Дина с присущим ей непотопляемым спокойствием принялась поправлять макияж.

– Ну, и где мы шляемся? Я тебе тут такого мужика нашла – закачаешься!

Деловито-возмущенный голос лучшей подруги Динки – Карины заставил девушку улыбнуться. Неугомонная подружайка последние лет семь только и делает, что пытается выдать ее замуж. Сама Карина за это время успела «сходить» в ЗАГС три раза. И вновь вернуться к Динке, у которой много лет назад однажды решила снять комнату. Да так и осталась в ее семье.

Карина действительно считала квартиру Динки родным домом, куда она могла вернуться в любой сложный момент. А Дину и ее близких – своей семьей, которой у нее, детдомовки, никогда не было. Вот и сейчас Карина, после разрыва с очередным мужем, возлежала в просторной четырехкомнатной квартире Дины на широком кожаном диване, лицезрея «мыльно-рыльные» страсти, бушующие на огромном плоском экране, одновременно разговаривая с подругой по телефону. Надо сказать, Карина всегда была полной противоположностью Динки. Беззаботная «подружка-болтушка» с умненькой головкой, потенциал которой расходовался крайне бережливо. Пухленькая, рыженькая, с выдающимся бюстом и не менее выдающимися способностями к трындению по телефону, она просто олицетворяет женскую сущность этого

бренного мира. А еще Карина, будучи по образованию парикмахером-визажистом, владела небольшим салоном красоты. Правда, о красоте самой Карины в данный момент судить было сложно. В цветастом китайском халате, в бигудях и маске противного болотного цвета она больше походила на актера древнеяпонского театра, чем на молодую привлекательную женщину.

Надо сказать, Карина обладала феноменальной способность делать несколько жизненно важных дел одновременно. Вот и сейчас она с присущей ей непосредственностью умудрялась листать глянцевый журнал, болтать с подругой по телефону и неотрывно следить за развитиями сериальных страстей по ТВ. При этом мимика Карины отчетливо отражала всю гамму переживаний за судьбу некоего «Хуана Педрильо», бьющегося в конвульсиях от любви к главной героине на телеэкране. От переживаний за сериального мачо Карина то и дело закусывала губу и морщилась, от чего ее лицо в питательной маске становится просто устрашающим, как у самурая во время боя.

Наконец, оторвавшись во время рекламной паузы от созерцания Педрильо, Карина перевела восторженный взгляд на фотографию какого-то бизнесмена в журнале и продолжила увещевать подругу, которая в этот момент перечисляла ей по телефону аргументы «в контр» ее очередной гениальной матримониальной идеи.

– Дин, притормози! Я отвечаю: на этот раз – настоящий полковник! Рост, вес, а размер банковского счета!.. Не, я не поняла! Ты че кочевряжишься? Такого мужика предлагаю! Что?! В курсе ли он, что его предлагают? – Карина беззаботно фыркнула. – Тю! Потом отблагодарит… Главное, у меня на него выходы имеются! Ну нельзя же всю жизнь одной куковать! Это, в конце концов, для здоровья вредно!

Но Динка, к недовольству Карины, не сдавалась. Она категорически отказывалась знакомиться с этим практически вымирающим видом мужчины – холостым миллионером, выходы на которого через седьмые руки с таким трудом смогла достать Карина.

– Нет! Это ты меня послушай! – не сдавалась подруга. – Лучше вспомни, когда ты последний раз мужика разновидности «нормальный» видела?.. – хитро уточнила она. – А вживую? Что?! – замазанные питательной маской брови Карины удивленно поползли вверх. – Твой бывший?! Дин, я тебя умоляю! Слушай, у тебя какое-то искаженное представление о настоящих мужиках!

Карина бросила скептический взгляд на кухню, которая соединялась с гостиной широкой аркой. Там в фартучке возле плиты вот уже несколько часов суетился бывший муж Динки, а ныне просто ее лучший друг и сосед по квартире Валера. Ему, как и Дине, было около тридцати. Не красавец, но симпатичный. В неизменных очках, потому что линзы не шли. Он с самого утра с упорством туполобика пытался научиться жарить блины, залихватски переворачивая их в воздухе. Все это он делал, четко выполняя инструкции брутального повара, который вещал с экрана маленького телевизора, висящего в кухне. Энергичный кулинар лихо подбрасывал блины в воздух, после чего ловил их – уже перевернутыми – раскаленной сковородой. Валера пытался сделать то же самое. Результат: три блина таки долетели до потолка, которому теперь грозила новая покраска. Один улетел на холодильник, два – на кухонный шкаф. Сколько блинов благополучно приземлилось на пол и на голову горе-повара – история умалчивает. Но даже это не останавливало упертого Ботаника, который раз за разом пытался отточить свое «мастерство шеф-повара» и тем самым произвести впечатление на вечно скептически настроенную в отношении его Карину. Поймав ее заинтригованный взгляд, Валера с видом профи подкинул в воздух очередной блин, который… приземлился аккурат на голову бедолаги. Благо за время своего высокого полета он хоть успел подостыть.

– Ай!

Карина обреченно вздохнула.

– Ботаник, мазью от ожогов хоть намажься! В верхнем ящике лежит. А то Динка еще скажет, что я тебя сковородой пытала!

– Дорогу осилит идущий! – нравоучительно отозвался Валера, налив на сковороду очередной блин. И лишь затем, убедившись, что Карина не видит, все же полез в шкаф за мазью.

Карину усмехнулась. И «это» ее подруга называет настоящим мужчиной!

Впрочем, в отношении Валеры Карина все же была не права. Ведь «настоящие мужчины» редко скрываются под маской смазливых мачо. И проявляются, как правило, не в красивых словах, а в деле. А в этом плане на Ботаника можно было положиться.

К слову, прозвище Ботаник к Валере приклеилось с детства, и он очень гордился им. Потому что оно отражало его истинное призвание. Валера с детства увлекался изучением растений. И к своим тридцати успел стать профессором в своей области, исколесившим полмира в поисках новых образцов ядовитых цветов. Возможно, внешне Валерка не тянул на Бреда Пита, но женщины интуитивно питали к нему особое расположение. Что именно привлекало их в Ботанике – надежность, ум, чувство юмора или что другое – история умалчивает. Однако женским вниманием он точно не был обделен (если не брать в расчет Карину, которая с необъяснимой упертостью, видела в нем только друга). Что до Валеры, несмотря на обилие невест, связывать себя повторными узами брака он не спешил. Умудрившись сохранить прекрасные отношения с бывшей женой, с которой дружил с детства, Валерка даже после развода остался жить с Динкой в их общей квартире, помогая ей воспитывать детей: двойняшек Петю и Вику.

Валера всегда был умный, добрый, надежный. Это именно ему много лет назад в очень тяжелые для них с Диной времена пришла идея сдать комнату постоялице, чтобы хоть как-то удержаться на плаву. Так в их жизни и появилась Карина, которую судьба, мягко говоря, тоже не баловала, хоть девчонка и пыталась сохранять оптимизм. Ее, на тот момент беременную, спустил с лестницы пьяный муж. Ребенка она потеряла, мужа-агрессора – засудила и потом еще долго скрывалась от его мести. Динка с Валерой очень помогли Карине. В каком-то смысле вытащили из петли, вернули веру в людей. Так что Ботаника Карина любила и ценила не многим меньше Динки, но это все равно не мешало ей скептически относиться к парню, периодически подкалывая его.

Положа руку на сердца, брак Динки с Валерой всегда казался Карине абсурдной затеей. Будучи профи в сердечных делах, она скорее охарактеризовала бы эту парочку как брата и сестру, лучших друзей, но уж точно не как страстных любовников. Карине лишь оставалось удивляться, как эти двое сразу после школы смогли «сострогать» ее крестников – двойняшек Петю и Вику. Карину так и подмывало расспросить об этом Динку, но та всегда уходила от этой темы. В душу Карина не лезла. Захочет – расскажет сама, решила однажды она. Но годы шли, а Динка, у которой обычно не было никаких секретов от подруги, так и не приоткрыла перед ней завесу своего прошлого.

– Эй, ты еще здесь?! – голос Динки, доносящийся из мобильного, вывел Карину из задумчивого оцепенения. – У тебя все или еще что-то?

– А! Да! Чуть не забыла! – спохватилась Карина. – Бабуля звонила. Просила напомнить про юбилей. Меня, кстати, тоже пригласила! Что значит не поедешь? Дин, это ненормально! Ты и так у себя дома лет десять не была! Хватит уже им к тебе в гости приезжать, пора и нам в Сибирь наведаться!

Напоминание о родном доме окончательно и бесповоротно испортило Дине настроение. С ее лица исчезла улыбка. Взгляд сразу стал отстраненный, колючий, чужой. В голосе появилась холодная нотка.

– Карин, извини, но это не обсуждается. Я не хочу никуда ехать. У меня на работе дел куча, – попыталась найти отмазку. – Бабуля лучше потом сама приедет в гости, и мы отпразднуем.

Настырная Карина продолжала что-то увещевать по телефону, но Дина ее уже не слушала. Ее холодный рассеянный взгляд на автомате следил за дорогой. Напоминание о доме матери вызывало не самые приятные воспоминания. Дина не знала, как помягче остановить не на шутку разбушевавшуюся любопытную подругу, требующую по телефону «коллективную ссылку» в Сибирь на выходные. Карина давно порывалась познакомиться со всей ее семьей целиком, а не только с ее бабушкой и младшей сестрой Люсей. Но Динка не хотела этого… Вернее сказать, она панически боялась встречи со своим прошлым.

– Карин, ты извини, но это не обсуждается… Я не хочу никуда лететь… Нет, у меня нет никакой ностальгии по дому. Пусть прошлое останется прошлым, – в голосе Дины звучала усталая обреченность. Она была готова согласиться на все, лишь бы поскорее закончить этот болезненный разговор. – Да. Знаю, я неблагодарная дочь. Не ценю, что имею. Карин, давай дома поговорим. Все, пока…

Дина отключила мобильный. От прекрасного настроения не осталось ни следа. Как же она злилась на себя в этот момент. Прошло десять лет. Давно пора было все забыть. Ведь говорят же, время лечит.

Но Динка точно знала, что люди врут. Время ничего не лечит. Оно лишь копит боль и тоску, растягивая ее на долгие годы. Учит улыбаться, когда хочется плакать. А еще заставляет просыпаться по ночам в панической атаке. С горечью осознавая, что уже ничего нельзя вернуть и исправить.

Хотя нет… Она врала сама себе. Само страшное было не это.

А тихое, пугающе четкое осознание того, что… она бы и не стала ничего исправлять. Не смогла бы удержаться от искушения пережить вновь все то, что было.

И за это Дина себя ненавидела и боялась еще больше.

Тамара

Цените. Каждый день, час, минуту, проведенную с любимым, дорогим тебе человеком. В тот злополучный вечер Тамара поняла это, как никогда.

Было душно, хотя знойное июньское солнце уже почти касалось малинового горизонта. Вместо прохлады летнего вечера – ни ветерка. Даже неспокойный Енисей, раскинувшийся на окраине поселка городского типа, в котором последние два года Тамара жила со своей семьей, не приносил привычной речной свежести.

Казалось, мир настороженно замер в ожидании чего-то, что навсегда изменит прежний благополучный устой многих жизней.

Но Тамара Славянова не ощущала этого. Она была слишком занята изучением документов, которые везла с работы мужу – Петру. Они оба работали в Красноярске на одном из крупнейших заводов страны, который в народе прозвали «алюминиевым». Петр в свои тридцать с небольшим занимал одну из ключевых должностей. Два года назад его направили сюда из Москвы, чтобы он на месте решил ряд проблем. Талантливый управленец, он настолько пришелся к месту, что по просьбе руководства завода так и остался вместе с семьей – женой и двумя детьми: его родным восьмилетним сыном Сашей от первого брака и трехлетней шебутной падчерицей Динкой (дочкой Тамары) в Красноярске. Сюда же поближе к родным вскорости перебралась и любимая теща – Клавдия Матвеевна, которую без проблем взяли на работу массовиком-затейником в поселковый Дом культуры.

Жизнь в Сибири очень быстро вошла в тихое умиротворенное русло. В доме Славяновых прочно поселилось счастье. И казалось, что все беды остались позади.

А бед было немало.

За несколько лет до знакомства Петра с Тамарой от рака умерла его первая жена Марина – мать Саши, и Петя остался один с маленьким сыном на руках. Они с сынишкой оба учились жить «с чистого листа», но получалось откровенно плохо. Петру было тяжело без жены, Саше – без мамы. Все изменилось, когда в жизни Петра появилась красавица Тамара, которая, несмотря на юный возраст, уже была женщиной со сломанной судьбой.

Виной трагедии Тамары была ее собственная глупость, доверчивость, неосторожность и, увы, самонадеянность. Ей было семнадцать, когда они с подружкой, тайком от Клавдии Матвеевны, сбежали на дискотеку. Что это было: бунт против материнского контроля, попытка изобразить из себя взрослую – Тамара сама так и не поняла. Но закончилось все плачевно. На дискотеке девушки познакомились с парнями. Выпили. Впервые в жизни. А когда стало понятно, что знакомство добром не кончится, подружка сбежала, оставив растерянную Тамару. Один из отморозков воспользовался этим.

А через два месяца Тома поняла, что беременна.

Отрицательный резус-фактор и угроза бесплодия – именно это не позволило родителям Тамары разрешить той сделать аборт. Клавдия лично настояла на родах.

Настояла. И вскоре поняла – зря.

Материнские чувства, на которые так рассчитывала Клавдия Матвеевна, так и не проснулись в Тамаре после родов.

Болезненная плаксивая девочка раздражала юную мать. Тамаре не хотелось подходить к дочке, кормить грудью. В душе она, конечно, понимала, что не права – ребенок не виноват в ошибках родителей. Но сердце, эмоции наотрез отказывались принимать родную дочь. И от этого Тамара еще больше ненавидела маленькую Динку, а вместе с ней и себя.

Если бы не Клавдия Матвеевна, внучке пришлось бы несладко с такой холодной матерью. Именно поэтому рано овдовевшая Клавдия, вместо того чтобы устраивать свою личную жизнь, решила полностью посвятить себя дочери и внучке. Она чувствовала свою ответственность за Динку. А еще огромную вину – за нелюбовь матери к ней. И за сломанную судьбу самой Тамары. Ведь если бы она не позволила ей пойти в тот проклятый вечер на дискотеку…

Но история, увы, не любит сослагательного наклонения.

Все изменилось в одночасье. Когда в жизни Тамары появился Петр – ее первая настоящая любовь. Этот мужчина смог залечить раны Тамары. Она как родного приняла его сына Сашу – ведь мальчик так походил на своего отца! Особенно по характеру, повадкам. А то обожание, с которым Петр относился к забавной хулиганистой Динке, заставило холодное сердце Тамары растаять и выделить уголок даже нелюбимой дочке, которая всю жизнь одним своим видом напоминала ей своего отморозка-отца.

Шаг за шагом, день за днем… Мало-помалу Тома, благодаря Петру, научилась любить и свою нежеланную дочь Динку.

И сама была так этому рада!

В ее доме, наконец-то, поселилось долгожданное счастье и покой.

– Саш! Ну пошли играть! Пошли! – звонкий настойчивый детский голосок то и дело раздавался в разных частях дома.

Взрослые с улыбкой наблюдали, как деловая Динка тащит за руку старшего сводного брата, который был неизменным спутником всех ее игр и шалостей. И это было хорошо! Хоть кто-то мог контролировать эту хулиганистую непоседу! Ведь от Динки можно было ждать чего угодно! То она прямо в сарае небольшой костер разведет, чтобы сосиски пожарить, то на речку с отцовской удочкой рыбачить сбежит, то еще что выдумает! В отличие от многих мальчишек, Саша, со свойственной ему порой недетской мудростью, никогда не стеснялся играть со своей назойливой командиршей-сестренкой. Динка с детства вертела им, как хотела. При этом не желая делить внимание брата ни с кем. Сашка всегда был только ее. А он и не спорил. Мальчишка был очень рад, что у него наконец-то

появилась самая настоящая семья. Он играл с Динкой в прятки, в домик, покорно изображая в кукольных играх «папу». И никогда не давал Дину в обиду. С ним девочка всегда была как за каменной стеной.

И казалось, в их дом навсегда пришло счастье.

Но все навсегда изменилось тем самым злополучным знойным летним вечером.

* * *

Машина представительского класса свернула за угол и остановилась. Тамара оторвалась от изучения документов.

– Василий, что еще там? Только не говори, что пробка. Мы не в Москве!

Конопатый водитель Васька, который был ровесником строгой Тамары, но откровенно ее побаивался из-за железобетонного характера, невольно усмехнулся.

– Корова, Тамара Васильевна, – и тут же спохватился, поспешно объяснив: – То есть я в том смысле, не вы… А натуральная корова. На дороге, коза, ходит. Поселок же.

Словно в доказательство слов, одна из переходящих дорогу буренок остановилась, тоскливо взглянула на машину и протяжно замычала.

Тамара нахмурилась. Ей хотелось как можно быстрее попасть домой. Накануне у Петра поднялась температура, ночью вызывали врача. Именно поэтому она, а не муж поехала на завод за документами. Но надолго оставлять больного мужа ей не хотелось.

– Поторопись, пожалуйста, – сдержанно бросила женщина, по ходу напомнив: – Нам еще в аптеку надо заехать.

– Я помню, помню, Тамара Васильевна… Только это… Коровам же ПДД не писаны.

Спорить с водителем не было смысла, как и торопить бестолковую корову, поэтому Тамара снова погрузилась в бумаги.

На сердце почему-то появилась тревога.

Нервная.

Алогичная.

Другой бы, наверное, принял ее за дурное предчувствие, но Тамара предпочла подумать, что это последствие бессонной ночи. Она, скорее всего, выпила слишком много кофе, вот нервы и шалят.

Но дело было все же не в нервах. Тамара поняла это, когда, подъезжая к дому, издали услышала тревожный вой пожарных сирен.

А дальше все как в тумане.

Дым. Гарь. Копоть. Чьи-то лица. Соседи. Прохожие. Пожарные.

Заплаканная Клавдия и перепуганные дети, жмущиеся к бабушке.

– Саша! Сынок! Дина! Доченька! Живы! – у перепуганной Тамары вырвался вздох облегчения, когда она судорожно осматривала детей, словно силясь убедиться, что с ними все в порядке.

Лишь затем она растерянно оглянулась.

– А Петя? Петя где, мам?

Ответом послужил не плач, а вой Клавдии.

Сердце Тамары, еще секунду назад громко бухающее в груди, остановилось…

Перепуганные соседи потом еще долго судачили, что Томка, ополоумев с горя, пыталась броситься в пылающий дом вслед за оставшимся там мужем.

Пожарным и врачам «скорой» с трудом удалось удержать ее, и то, только вколов лошадиную дозу снотворного. И хотя Тамару в тот же вечер увезли в больницу с сильнейшим нервным срывом, казалось, что над пепелищем некогда добротного коттеджа все еще витал ее надрывный не то плач, не то вой…

– Петя! Петенька! Пустите меня! Я к нему хочу! К нему…

* * *

На следующее утро осунувшаяся Клавдия Матвеевна в пропахшей дымом вчерашней одежде зашла в больницу вместе с внуками.

– Только тихо! Здесь не шумят! – предупредила она и без того испуганных десятилетнего Сашу и пятилетнюю Динку, которые, взявшись за руки, шли следом.

– Мы поняли, бабуля, – тихо отозвался мальчик, крепче сжав ручку испуганной сестренки.

Динке не было шести, и она не совсем понимала, что происходит. Бабушка сказала, что папы больше нет. Он зачем-то ушел на небо к Боженьке, и ему теперь там хорошо. Вот только зачем было уходить куда-то (да еще на небо), когда им и дома было весело, Дина не понимала.

Девочка пыталась донимать бабушку вопросами, куда конкретно ушел папа и можно ли ей тоже пойти к нему? Что для этого надо сделать? Залезть на крышу, чтобы быть поближе к небу и Боженьке? Потому что Дина уже скучала по папе, который всегда любил ее (в отличие от мамы). Баловал конфетами, куклами. Насупившаяся Дина была категорически не согласна с тем, что папа куда-то уехал, не взяв их с Сашкой с собой. Обычно ведь он их даже на рыбалку с собой берет, а тут…

Не понятно…

Зато не по годам взрослый Саша все отлично понимал. Ведь родную маму он уже тоже проводил на небо к Боженьке. И как теперь жить еще и без папы, напуганный мальчик не знал.

Саша переживал. Но не только за себя. Больше за мать, сестренку, бабушку. Как они будут теперь жить? Мальчик невольно чувствовал ответственность за женскую половину семьи. Так воспитал его отец, который был настоящим мужчиной.

– Мужчина – глава семьи. Он должен оберегать и заботиться о женщинах. Они же без нас пропадут, – полушутя наставлял Петр сына.

Саша это хорошо запомнил. И очень волновался по этому поводу. Потому что трудно стать главой семьи, когда тебе всего десять лет и когда твоя приемная мама, кажется, от горя сошла с ума.

* * *

Клавдия недосмотрела. Заговорившись с доктором о состоянии дочки, она выпустила из вида непоседу Динку, которая решила самостоятельно отправиться на поиски «заболевшей» мамы. Взволнованной девочке очень хотелось уточнить: мама же не собирается уйти от них к Боженьке вслед за папой? Бродя по терапии, Дина то и дело заглядывала в открытые палаты, но мамы нигде не было.

И это пугало.

Тем временем Тамара медленно, но верно приходила в себя. Она лежала одна в четырехместной палате. Медсестра, пухленькая блондинка с густо накрашенными ресницами, занятая набором шприца, не заметила вовремя, что пациентка пошевелилась, приоткрыла глаза. В палату в этот момент заглянула ее приятельница-санитарочка. Пухленькая, розовощекая. Про таких еще говорят «кровь с молоком».

– Бабушка с детьми пришли. Звать? – с ходу выпалила та, бросив тревожный любопытный взгляд на пациентку, которую накануне в ночи успокаивали и удерживали чуть ли не всем персоналом. Боялись, что руки на себя наложит…

– Не звать! – громким шепотом отрезала медсестра, бросив укоризненный взгляд на санитарку, которая уже успела примоститься на кушетке возле нее,

заинтригованно поглядывая на Тамару. – Вчера кое-как успокоили! В жизни не видела, чтобы так истерили!

По санитарке было видно: она сгорала от любопытства и желания посплетничать. Поселок не такой уж и большой, почти все друг друга знают. А тут такое ЧП!

– Ты бы тоже истерила, если бы муж заживо сгорел! – не задумываясь, брякнула санитарка и тут же осеклась, поймав на себе укоризненный взгляд медсестры.

– Сплюнь, дура!

Суеверные женщины синхронно перекрестились.

Несмотря на серьезный вид, медсестру тоже съедало любопытство. Отложив набранный шприц, она присела рядом с санитаркой на кушетку.

– Пожар-то хоть из-за чего начался? – не выдержала, поинтересовалась санитарочка, тут же построив догадку: – Неужто электропроводка загорелась?! Ох, надо моему сказать, чтобы старую поменял…

– Если бы! – многозначительно загадочно отозвалась медсестра. Ее так и распирало поделиться с подружайкой последней сплетней.

Оглянувшись по сторонам, убедившись, что их никто не слышит (не обращая внимания на заторможенную, пришедшую в себя Тамару, которая продолжала лежать с полузакрытыми глазами), женщина взялась пересказывать новость.

– Говорят, у нее дома дочка маленькая оставалась. Со спичками играла…

Их разговор внезапно прервало появление той самой дочки. Счастливая Динка, которая наконец-то нашла маму, с порога бросилась к Тамаре. Крепко обняв мать, девочка заворковала:

– Мама! Мамочка! Пойдем домой!

Заторможенная Тамара, все еще находясь под впечатлением от слов медсестры, медленно приподнялась на локте. Так же медленно отстранила от себя ничего не понимающую Динку. Дикий взгляд, полный ненависти, скользил по удивленному, растерянному детскому личику.

– Ненавижу… – едва слышно прошептала Тамара, резко отбросив от себя на пол перепуганную дочку. – Ненавижу! – истошно заорала она, хватая себя за длинные взлохмаченные кудрявые волосы. – Ты же горе! Ты же беда! Как и твой проклятый папаша! Ненавижу!

Растерянная, не понимающая, что происходит, Динка все еще сидела, отброшенная матерью, на холодном полу, когда в палату на вопли пациентки забежал врач, пожилой, строгий. Бросил возмущенный взгляд на опешивших и оттого застывших на месте медсестру и санитарку.

– Что сидите?! Два кубика живо и ребенка, ребенка уберите!

От его властного голоса женщины словно пришли в себя после оцепенения. Засуетились. Санитарка схватила перепуганную Динку, чуть ли не силой выволокла ничего не понимающую девочку из палаты.

– Пойдем, пойдем…

Полная ненависти, злобы, отчаяния Тамара продолжала истерить в голос, пока врач крепко держал ее, а перепуганная медсестра набирала в шприц успокоительное.

– Тома, Томочка, тише. Тебе нельзя волноваться… – пытался успокоить Тамару доктор.

Но та не слышала ни его увещеваний, ни доводов рассудка.

– Не буду! Я жить без него не буду! Я все равно уйду к Пете! Ненавижу! Как же я ее ненавижу! Ну почему! Почему я не сделала аборт?! Отпустите меня! Я все равно уйду!

– Никуда ты не уйдешь! – резко тряханул ее доктор. – У тебя срок два месяца! Слышишь?! Два! И так угроза выкидыша! Если не хочешь потерять ребенка, успокойся…

Воспользовавшись секундным затишьем ошарашенной Тамары, медсестра поспешно ввела лекарство. Истерика медленно, но верно перешла в неестественно сдавленные всхлипы.

– Ребенок? Петин ребенок? – все что смогла выдавить Тамара, после чего первые тихие слезы не ненависти, а просто боли и отчаяния покатились по ее щекам.

Ребенок.

Петин ребенок.

Лишь этот маленький, такой зыбкий мостик сумел удержать Тамару на этом свете. Но он не сумел убрать ту ненависть, которая зародилась в сердце женщины к своей старшей дочери в тот злополучный день. Ненависть, которую Тамара пронесет через годы и которая разрушит немало судеб, в том числе ее собственную…

На краю чужого гнезда

12 лет спустя.

Синее, синее небо. Все тот же, что и много лет назад, теплый летний ветерок промчался по зеленым кронам деревьев, весело шаля, волной прошелся по ярко-желтым полевым цветам, и улетел в сторону пшеничных полей.

В небе одиноко кружила хищная птица. Ее тоскливый окрик то и дело разрушал безмятежность этого летнего дня.

Все эти годы она ходила сюда, как на работу. Почти каждый день. На кладбище. К своему любимому Пете. Вот и сегодня, держа в руках небольшой букет его любимых пионов, аромат которых пьянил, Тамара присела на могилку. Буднично

сменила в небольшой вазе подсохшие цветы, одновременно оправдываясь…

– Ну, здравствуй, Петь. Ты прости, что неделю не приходила. На заводе дел столько навалилось с этими проверками…

Тамара знала, что многим она кажется странной. Потому что разговаривает с умершим мужем, потому что все еще носит траур и категорически не желает повторно устраивать свою личную жизнь. Только ей было на это глубоко плевать. В ее сердце было место только для Пети. Каждый раз, приходя на его могилку, она представляла, что разговаривает с ним, как с живым. Что он слышит ее, отвечает. И это давало Тамаре сил жить дальше.

– Люсенька наша год закончила с отличием. Лучшая в классе! – с гордостью продолжала рассказывать Тамара про их с Петей общую дочку, которую она безумно любила. Хотя бы уже за то, что у Людмилы были его, Петины, глаза. – Динка?

В голосе Тамары отчетливо читалось плохо прикрытое раздражение. Будь ее воля, она вообще бы не вспоминала про старшую дочь, которая сломала ей жизнь! Но Тамара знала Петю. Он относился к падчерице как к родной и обязательно бы спросил про нее, поэтому…

– Динка – это Динка, – лишь разочарованно отмахнулась мать. – Сплошные «неуды» за поведение. Как ей только аттестат без троек дали – удивляюсь. А так… Все хорошо. – И тут же встрепенулась, вспомнив: – Саша возвращается сегодня!

О боже! Сколько любви, восхищения, нежности звучало в ее словах. Саша был одновременно и радость, и боль Тамары. Она безумно любила пасынка. Сначала как родного сына, а потом… Непросто жить под одной крышей со взрослым парнем, который так походит на твоего любимого умершего мужа. Пусть даже речь шла не столько о внешнем сходстве, сколько о внутреннем. Тот же характер, те же манеры, повадки. Привычка прищуриваться, когда смеется, и голос… Его голос – Петра. Если закрыть глаза и слушать только его голос, то отчетливо кажется, что это не Саша, а Петя стоит рядом с ней.

– Ой, Петь! Ты б его только видел! Как он на тебя похож стал, Петя! Просто вылитый! – продолжила рассказывать Тамара, с трудом сдерживая слезы,

которые душили изнутри. – Такой же ответственный. Такой же порядочный. Я иногда, знаешь, Петь, я иной раз на него смотрю, а мне кажется, что я не с ним, а с тобой разговариваю. Представляешь?!

Тамара старалась не расстраивать мужа своими слезами, но это уже было выше ее сил. Продолжая натянуто улыбаться, глядя на выгравированный на могиле портрет Петра, женщина не выдержала, всхлипнула, отвернулась. Прошло 12 лет. Но для Тамары все было как вчера. Корова на дороге. Вой пожарных сирен. И рыдания матери, которые без лишних слов кричали ей о том, что Пети больше нет. Как и ее прежней счастливо-безмятежной жизни.

* * *

Пожалуй, это был самый красивый коттедж в поселке. Семья Славяновых переехала сюда почти сразу после пожара. Руководство завода специально выделило его для семьи Тамары. Добротный, из широкого светлого кирпича, обнесенный железным резным забором. Но главное – дом буквально утопал в ярких цветах, за которыми с любовью ухаживала Клавдия Матвеевна. Все эти годы в первую очередь именно благодаря ей в доме был создан уют. Тамаре было не до этого – она сутками пропадала на работе, делая карьеру, чтобы содержать семью. И чтобы лишний раз не думать о Пете.

Главными помощниками бабушки были подрастающие дети. Хозяйственные Динка с Люсей уже давно взяли все бытовые дела на себя. Саша прекрасно справлялся со всеми мужскими обязанностями по дому. Наколоть дрова, отремонтировать технику, сделать ремонт – все это было не проблемой для сообразительного трудолюбивого парня. И даже когда он поступил в университет и перебрался в Красноярск в общежитие, он все равно каждые выходные возвращался домой, не только потому, что соскучился по родным, но и чтобы быть уверенным, что у них там без него все в порядке.

На этот раз Саши не было дома долго. Почти три недели! Он готовился в городе к защите диплома. Тамара скрепя сердце сама потребовала, чтобы сын не приезжал какое-то время на выходные. Динка же ему просто не даст нормально подготовиться к предстоящей защите диплома! Надо признать, что в этом Тамара была права.

Вот и сейчас Динка нервничала от нетерпения. Она то и дело выглядывала в окно, по привычке теребя длинную косу. Тоненькая, стройная, еще не взрослая девушка, но уже не подросток… С веселым озорным взглядом. Было заметно: мать особо не тратилась на нее. Резко вытянувшаяся за последний год Динка явно выросла из простенького сарафанчика. На лице ни грамма косметики. Но она и не была нужна. Природа щедро наделила девочку необычной красотой, которую уже нельзя было скрыть. Хуже всего, что Дина внешне совершенно не походила на Тамару. И это еще больше бесило Тамару, ведь дочка невольно напоминала ей своего подонка отца.

«Ну когда же… Когда же он приедет?!» – мучительное ожидание брата сводила непоседу Динку с ума. Она прописалась возле окна с самого утра, хотя прекрасно понимала, что автобус из города приедет только к обеду. Но надежда все же мелькала: вдруг Саша передумает и приедет утром.

Ох уж это «вдруг»!

Друг детства Динки – тот самый долговязый очкарик Валера, прозванный языкастой девчонкой не иначе как Ботаник (за особую любовь к учебе и, в частности, биологии), оторвался от созерцания красочной энциклопедии, бросив на подружку, которая никогда не отличалась особым терпением, улыбчивый взгляд.

– Автобус приходит по расписанию в одиннадцать. Ты же знаешь, – нравоучительно изрек он.

Динка действительно прекрасно знала расписание междугородних автобусов, но легче ей от этого не становилось.

– Я его целых три недели не видела! – расстроенно бросила она и тут же насторожилась: – А вдруг он там в городе себе…

– …другую сестренку найдет? – не выдержал, рассмеялся Валера, прочитав ее мысли, в очередной раз поражаясь ревнивости Динки. – Ну это вряд ли… Тут ты вне конкуренции!

Девочка бросила хмурый взгляд на смеющегося друга.

– Ну вот что ты ржешь?! Я не это хотела сказать!

Валера даже не пытался сделать вид, что верит ей. Они оба знали: великая собственница Динка с детства ревновала Сашу ко всем и вся, искренне считая, что любимый старший брат принадлежит ей, и только ей! Единственная, с кем она еще соглашалась делить Сашку, так это с их младшей сестренкой Люсей, которая родилась уже после смерти их отца. И то только потому, что Люсю она тоже считала их с Сашей совместной собственностью.

Маму она особо здесь в расчет не брала, потому что из-за постоянных командировок Тамары воспитание Люси довольно рано легло на плечи Клавдии, Динки и Саши. Безусловно, Тамара до безумия любила и баловала младшую дочку, но это не она, а Саша с Динкой ходили на родительские собрания к Люсе, водили ее в больницу, если девочка заболеет, делали с ней уроки. Семья относилась с пониманием к постоянному отсутствию дома матери – ей надо было зарабатывать им на жизнь. А Дина еще и с облегчением – что греха таить, девочка с детства прекрасно осознавала, что является постоянным источником раздражения Тамары. Она рано узнала историю своего появления на свет, поэтому с пониманием относилась к материнской нелюбви. Ей было жаль Тамару. И жаль себя. Ведь Дина прекрасно понимала, что мать никогда не сможет ее полюбить.

Пока Саша жил с ними дома, нелюбовь матери на так била по Дине. Брат всегда ее защищал. При нем Тамара не отваживалась сказать старшей дочери дурного слова, боясь потерять расположение пасынка. Все изменилось пять лет назад, когда брат поступил в университет. Саша уже не мог, как раньше, каждый день защищать Дину от матери. И это угнетало. Дина старалась лишний раз не провоцировать Тамару, но матери и не нужен был особый повод, чтобы докопаться до нелюбимой старшей дочери. Не спасало и заступничество бабушки, которая тоже не всегда оказывалась рядом. Все это держало Дину в жутком напряжении. Она, как могла, сглаживала конфликты, жалея мать. Но даже ее терпению подходил конец. Господи, как же Дина ждала момента, когда брат закончит учебу! У нее были грандиозные планы на их будущее! То, что Саша о них еще не знал, Дину не особо волновало. Она была уверена – брат обрадуется ее планам!

В этом году Дина сама закончила в школу и уже поступила в институт. Сама. К удивлению Тамары, которая никогда особо не верила в старшую дочь. Жить и дальше под одной крышей с вечно недовольной ею матерью девчонка не

собиралась. Мысленно она уже паковала вещи, чтобы переехать в город на квартиру к брату, которую Саша наверняка снимет, чтобы было удобнее добираться до работы. Дина ни на секунду не сомневалась: брат будет только рад, что теперь они всегда будут вместе!

Правда, к этой идее почему-то весьма скептически относился ее друг детства Валера. Девчонка искренне не понимала почему.

В отличие от Динки, до наблюдательного, тактичного Валеры прекрасно доходила вся странность и неловкость этой ситуации. Безусловно, Дина и Саша были родными друг другу людьми. С одним нюансом: не по крови. О том, что они сводные брат и сестра, в семье хоть и особо не афишировалось, но и не скрывалось. Да и фамилия у Динки была другая – Агапова. По девичьей фамилии матери. Петр хотел официально удочерить девочку, но, увы, не успел. Так что даже формально Динка и Саша не были родственниками. Ситуация, при которой эти двое жили бы в городе вдвоем, даже Валере, который не сомневался в исключительно братских чувствах Александра к Дине, казалась странной и двусмысленной. И дело было не в Саше, а в самой Динке. Проницательный Валера боялся, что ее судорожная ревностная привязанность к брату может ошибочно перерасти в нечто иное – большее. И это сломает Дине жизнь. Ведь для Саши она всегда будет лишь его любимой младшей сестренкой. Но как поаккуратней сказать об этом Дине, он не знал. Поэтому попытался зайти с другого боку.

– Дин, я тут это… Подумал… – нерешительный голос Валеры отвлек Динку от размышлений. – Если хочешь, на время учебы у меня пожить можешь. Зачем тебе общага? Да и Сашка… Мало ли… Вдруг он в городе жить не захочет. Ну, а что? У меня же трехкомнатная в Красноярске. От родителей досталась. Одна комната твоя…

Мальчишка нерешительно взглянул на Динку. Девочка растерянно улыбнулась. Такой вариант решения «квартирного вопроса» она не предвидела. Хотя именно он был наиболее логичным. Нет. Дину с Валерой никогда не связывали романтические отношения. Наоборот. Сосед Валерка с детства был еще одним ее братом. И мальчишка ценил это, ведь, кроме бабушки Марии Федоровны, которая и воспитала его с семи лет, у него никого не было. Его родители-академики погибли в авиакатастрофе много лет назад. Так что Динка и была его семьей.

– Спасибо, конечно, но… – отозвалась девчонка, не зная, как помягче отказать ему.

Однако Валера не хотел слышать отказ. Помимо ситуации с Сашкой была еще одна причина, почему он хотел, чтобы Дина переехала к нему. Больше всего на свете Валера боялся одиночества. А именно оно грозило ему там в городе в этой огромной и такой пустой квартире, где все напоминало о родителях. О той прошлой счастливой жизни, которой у него уже никогда не будет.

– Если ты о тете Тамаре беспокоишься, что она не отпустит, так я с ней договорюсь! – торопливо перебил мальчишка. – Уверен, мне она не откажет!

– Избавиться от меня? – иронично усмехнулась Динка. – Даже не сомневаюсь. Спасибо, конечно, Валер, но… Я лучше к брату перееду. – Мечтательно улыбаясь, добавила: – Вот как только он квартиру снимет в городе, сразу же…

Расстроенный Валера слегка нахмурился. Динка была на своей волне.

– Дин, а ты не думаешь, что у Сашки могут быть на квартиру свои планы? – как можно тактичнее поинтересовался он.

Динка с удивлением уставилась на друга, который, по ее мнению, сказал такую откровенную глупость, что она даже не знала, как на нее ответить.

– Какие у Сашки могут быть планы без меня?! – вполне искренне удивилась эта маленькая эгоистка, но ответа не дослушала. Во дворе раздался скрип входной двери.

Динка тут же замерла. Встрепенулась.

– Саша… Сашенька приехал!

Словно зачарованная, позабыв про все и всех на свете, включая Валеру, девчонка пулей вылетела из комнаты.

– Сашка!

Оставшийся мальчишка расстроенно усмехнулся, отвечая на заданный вопрос пустоте.

– Ну не знаю… Он может влюбиться и жениться… И ты окажешься на краю чужого гнезда…

Но счастливая Динка его уже не слышала. Она неслась навстречу своему Саше.

Сашка

– Сашка! Сашенька!

Высокий, красивый, сильный, со смеющимися синими глазами и слегка вьющимися непослушными волосами, которые, сколько ни подстригай, все равно будут жить своей жизнью.

– Динка!

Крепкие мужские руки подхватывают, кружат смеющуюся девчонку, которая не сводит счастливого взгляда с его синих глаз.

– Саша! Сашенька!

– Соскучилась, Заноза?

– Еще как соскучилась! – смеется в ответ девчонка, все еще вися на шее не менее счастливого брата.

Сашка с нежностью смотрит на сестру. Не виделись три недели, а кажется – вечность!

Если бы они только знали, как странно выглядят в этот момент со стороны. Уж точно не как близкие родственники…

Однако в их мирок, где, кроме них, в эту минуту нет никого, все же непрошеным вихрем врывается обыденная жизнь в лице бабушки. Ее ироничный насмешливый голос отвлекает брата с сестрой от созерцания друг друга.

– Динка! Ну не десять же тебе лет! Спину ему сломаешь! Отпусти сейчас же! – укоризненно пеняет улыбающаяся Клавдия, направляясь к внуку. – Ну здравствуй, родной! С возвращением!

– Привет, бабуля!

Клавдия крепко обнимает внука, который за все эти годы успел стать для нее родным. В своей любви она никогда не делала различия между детьми: Сашу, Дину и младшенькую – 11-летнюю Люсю Клавдия любила одинаковой преданной любовью. В отличие от Тамары, которая обожала Люсю, пасынка Сашу и на дух не выносила родную дочку Динку, хоть и пыталась это скрывать. Но ее нелюбовь к Дине была видна любым сторонним взглядом. В старшей дочке Тамару раздражало абсолютно все, в то время как той же Люсе мать прощала все шалости.

И вот Саша вернулся. Клавдию и радовало, и в то же время страшило возвращение внука домой. От ее пристального мудрого взгляда не укрылось то, что еще не замечали остальные члены семьи. О чем еще толком не догадывались сами Дина и Сашка.

Дети выросли. Детская привязанность постепенно сменилась юношеским увлечением, которое переросло в нечто большее – в любовь.

Любовь, которая не имела ничего общего с родственными чувствами. Словно уловив мысли бабушки, Сашка, уже сидя в кухне за столом и с удовольствием уплетая суп, который ему заботливо приготовила хозяйственная Динка, шутя озвучил ее самые страшные опасения.

– Динка, а может, мне на тебе жениться? Ну а что? – рассмеялся парень. – Фамилии у нас разные, по крови мы не родственники, а главное – ты мой любимый суп готовить умеешь! Вкусно получилось!

Динка тут же смущенно заулыбалась. И хотя шутка брата была всего лишь шуткой, идея всегда быть вместе с Сашкой ей явно нравилась. Однако она

ничего не успела сказать ему в ответ, потому что на кухне с пакетами из магазина зашла Тамара. Шутка пасынка явно не пришлась ей по душе.

– Глупости-то не говори, сын! Ну ты как что скажешь! – Слегка раздраженный голос матери, которая только что вернулась с работы, моментально свел на нет веселье в кухне. Это почувствовала даже Люся, которая сидела рядом с братом, за компанию уплетая за обе щеки суп.

– Мам! Мам, а Динка меня суп есть заставила! – с гордостью сообщила Люся, надеясь заслужить похвалу матери: Тамаре не всегда удавалось убедить младшую, что суп – весьма полезная еда.

Однако вместо похвальбы Тамара моментально обрушилась с гневной тирадой на растерявшуюся от материнской агрессии Динку.

– А я тебе сколько раз говорила: не хочет ребенок есть – не заставляй! – зло завозмущалась Тамара.

– Мам! Да суп вкусный, – попыталась исправить ситуацию испуганная Люся, но было поздно. Дина встала из-за стола, направилась к двери.

– Ты куда? – нахмурилась бабушка. – Ты же еще толком не поела.

– Спасибо. Что-то аппетит пропал, – отозвалась расстроенная Динка и вышла из кухни.

За долгие годы она уже давно усвоила одну простую истину – спорить с матерью, а тем более идти с ней на открытый конфликт – бесполезно. Тамара только этого и ждет. Поэтому лучше просто уйти.

Саша нахмурился, глядя на довольную мать, которая, как ни в чем не бывало, принялась разбирать продуктовые сумки.

– Мам, зачем ты так с ней? – хмуро поинтересовался парень.

Тамара встрепенулась. С удивлением посмотрела на любимого сына.

– А что я такого сказала?

Вместо ответа Саша встал из-за стола, отодвинув недоеденный суп.

– Спасибо. Я сыт.

Мальчишка вышел из кухни вслед за Динкой. Переведя испуганный взгляд с бабушки на мать, Люся тоже предпочла незаметно ретироваться. И хоть Тамара пыталась сделать вид, что все в порядке, по ней было заметно – уход Саши ее слегка напугал. Она не любила ссорится с пасынком.

Тамара села за стол на Динкино место. Повернулась к матери. Ее раздражал укоризненный взгляд Клавдии. Прекрасный повод, чтобы сорваться хоть на ком-нибудь!

– Ну что ты на меня так смотришь?! Я все правильно сказала! – не столько убеждая мать, сколько себя, с вызовом выдала женщина.

Ей надоело, что практически при каждом семейном конфликте она в глазах матери выглядела виноватой.

– Ох, Томка, Томка, – с жалостью вздохнула Кладвия, глядя на дуру дочь. – Помяни мое слово – останешься ты одна.

Тамара отвернулась, чтобы скрыть раздражение.

Мать говорила глупости! Она столько вложила в Александра и Людмилу… Нет! Мама не права! Дети никогда не посмеют отвернуться от нее! Оставить…

Что до Динки… Тут ей было все равно. Хотя нет… Напротив! Тамара считала дни, когда та, наконец, уедет учиться в город и перестанет каждый день своим видом напоминать ей о том, что Петя мог бы остаться жив. Нет. Она не чувствовала никакой вины перед старшей дочерью. Тамара была убеждена: свой материнский долг она выполнила сполна – вырастила, выкормила, дала образование. Но она не обязана терпеть всю жизнь ту, которая забрала у нее эту самую жизнь.

То, о чем молчат…

Где-то вдали шел поезд. Скорее всего, товарный, груженный углем, и оттого нудно-длинный. Через поселок редко ходили пассажирские. Мерный стук колес невольно убаюкивал расстроенную Динку, стоящую на открытой террасе коттеджа. Взгляд девочки бездумно блуждал по шикарному саду – любимому детищу Клавдии. Благоуханные кусты белых роз, ярко-оранжевые лилии, длинные желтые бархатцы с размашистыми шапками, пурпурные остролистые гладиолусы и любимые Динкой пышные разноцветные астры. Последние Клавдия Матвеевна не особо жаловала, но все равно высаживала каждый год в отдельную клумбу, чтобы порадовать старшую внучку. Динке всегда нравились эти простые и в то же время жизнерадостные цветы. Однако сейчас даже они не приносили ей желанное умиротворение.

Как же ее достала мать!

Нет! «Достала» – это слишком мягкое слово для того, чтобы выразить ту бурю обиды, которая бушевала в душе Дины. Порой ей так и хотелось сказать матери прямо в лицо: «Я не просила меня рожать!» Но каждый раз ее что-то останавливало… Нет, не трусость. Банальное благоразумие. Зачем лишний раз накалять и без того пылающую атмосферу в доме? Отец Андрей – священник их прихода – всегда в таких случаях цитировал Дине Библию: «Худой мир лучше доброй ссоры». Дина была согласна с этим. Вот только легче не становилось.

Как же она была зла на мать! Ну почему она каждый раз до нее докапывается по любой мелочи?! Наверное, это и есть нелюбовь, когда в человеке тебя раздражает даже самое хорошее…

С Енисея подул прохладный ветер. Девочка невольно поежилась, посильнее кутаясь в старую серую кофту, защищаясь то ли от сквозняка, то ли от невеселых мыслей. Дина не сразу заметила, как на крыльцо вышел не менее расстроенный Саша. Подошел сзади, приобнял своими сильными крепкими руками, словно пытаясь защитить от всех жизненных невзгод.

– Все будет хорошо.

Дина едва заметно улыбнулась, прильнув к груди брата. Такой знакомый и родной запах – едва уловимая мужская туалетная вода, которую она всегда сама исправно покупала Саше. Когда брат был рядом, все беды и вправду невольно отступали.

– Как же она меня достала! – все же не выдержала, по-детски пожаловалась Динка, тут же в запале добавила: – Поскорее бы ты в городе квартиру снял. Я бы к тебе сразу же переехала!

На лице девочки появилась мечтательная улыбка. Парень по-доброму усмехнулся.

– Так ты уже распланировала план бегства?

– А то! – с готовностью отозвалась Динка, поспешно добавив: – Только Люсю тоже, по-хорошему, с собой забрать надо! Ну а что? Я узнавала: в городе хорошие школы есть. Мама же все равно постоянно в командировках! Люсе бы с нами лучше было. Вот если бы ты попросил маму…

В голосе Динки звучала детская надежда. В глубине души девочка, конечно, понимала, что Тамара никогда не позволит забрать у нее любимую младшую дочь. Но мечтать же никто не запрещал! Мать баловала Люсю, компенсируя свое постоянное отсутствие дорогими подарками и исполнением любых капризов девочки. Нет, Дина не ревновала. Она слишком любила младшую сестру. Но она боялась за Люсю – ранимую и слишком впечатлительную, которой были нужны не подарки, а любовь и внимание – то, что из-за своей важной работы не могла ей дать Тамара. Поэтому и хотела забрать Люсю с собой в город, чтобы постоянно быть рядом с ней.

Нелюбовь матери рано заставила Дину научиться смотреть на многие вещи взрослыми глазами. Она всегда была очень проницательным, тонко чувствующим мир человечком. Но кое в чем ее проницательность все же давала сбой – и это касалось Саши.

Дина наверняка бы обиделась, узнав, что в планы брата не входило совместное с ней проживание в городе. Вернее, он и хотел, и боялся этого. А все потому, что Саша, прожив столько лет в этой ставшей ему родной семье, так и не научился смотреть на Дину братскими глазами.

Саша пришел в эту семью уже довольно взрослым ребенком, пережившим утрату родной мамы, видящим боль отца. Он всегда прекрасно знал, что они с Динкой не кровные родственники. И что Тамара ему лишь мачеха, а не мама. Но Саше так сильно хотелось иметь настоящую семью, что однажды он сам спросил у тети Томы, которая с такой огромной любовью и заботой всегда относилась к нему, можно ли он будет звать ее мамой. С годами Тамара и стала ему настоящей матерью. А вот Дина так и не стала сестрой. И на то были причины.

Время пронеслось слишком быстро. Мальчишка и сам не сразу заметил, как крепкая детская дружба переросла в юношескую привязанность, а та – в настоящую любовь. Которая не имела ничего общего с братской. И это уже давно мучило Сашу. Парень был уверен, что Дина никогда не посмотрит на него как на мужчину. Только как на брата. И это сводило с ума.

Они стояли на крыльце, прижавшись друг к другу, с нежностью глядя в глаза. И были так счастливы, несмотря на все жизненные невзгоды. И хотя Александра не оставляло чувство вины, он не находил в себе силы разжать руки, отпустить Динку, каждый раз обещая себе, что это в последний раз, когда он ее обнимает… Он обязательно уедет, забудет, начнет жизнь с нуля в городе… И каждый раз его как магнитом тянуло сюда в поселок – к ней одной. Потому что без нее – его Динки – жизнь просто теряла смысл.

– Так ты спросишь маму о Люсе? Вдруг разрешит? – голос Дины, полный надежды и в то же время тревоги, отвлек Сашу от созерцания ее бездонных зеленых глаз. – Она тебя любит… Даже больше нас с Люськой. Она может тебя послушать.

Дина и не подозревала, насколько она была близка к истине.

О, да! Тамара любила Сашу! Да и как она могла не любить того, кто был живой копией ее обожаемого покойного Пети. Вот только вряд ли сама 35-летняя Тамара, по сути еще совсем молодая женщина, до конца осознавала, насколько ее любовь к 22-летнему красавцу пасынку можно было назвать материнской.

* * *

Она сидела у зеркала. Красивая, молодая. Некоторые ее одноклассницы, которые остались жить в Москве, только сейчас, сделав карьеру, планировали выйти замуж, родить детей. Но 35-летней Тамаре казалось, что все это уже не для нее. Все осталось позади и сгорело вместе с ее мужем в том ужасном пожаре. Пети не стало 12 лет назад, и с тех пор Тома поставила крест на своей личной жизни, полностью сконцентрировавшись на детях, работе. Но не на себе.

Взгляд женщины скользнул по их с Петром свадебной фотографии, а затем упал на фото смеющегося пасынка, которое было сделано в этом году. Рука невольно потянулась к рамке.

Как же это больно – каждый день видеть перед собой живой призрак того, кто уже никогда к тебе не вернется. На первый взгляд светленький Саша не слишком походил на темноволосого Петра, но это только на первый… Тот же самый голос, жесты, смеющийся взгляд, добрый, но при этом жесткий, целеустремленный характер… Все это было точной калькой с его отца. Нет, Тамара не испытывала романтических чувств к пасынку. Саша был для нее сыном. Но он же был ходячим напоминанием своего отца, которого она не собиралась делить ни с кем!

Несмотря на то что до ночи было еще далеко, Тамара расправила кровать. Она так устала за последние дни. На работе действительно был завал, да еще эти нескончаемые поездки… Переодевшись в шелковую сорочку, распустила длинные волосы, поспешно причесав их перед зеркалом. Она словно спешила, опаздывала на свидание… Впрочем, так оно и было. Сон уже давно превратился для Тамары в свидание с Петром. Это уже даже походило на какой-то ритуал. Она выпивала таблетку снотворного, закрывала глаза и представляла его – Петра. Как они гуляют в парке, готовят вместе ужин, смотрят фильм, разговаривают обо всем на свете… Только во сне, отрешившись от жизненных невзгод и бед, Тамара была по-настоящему счастлива. Ее самый любимый момент, когда там, в мире грез, она на какое-то время просто забывала, что Пети на самом деле уже давно нет.

Удобно вытянувшись на прохладных простынях, Тамара, приняв одну таблетку снотворного, закрыла глаза, собираясь утонуть в радостном предвкушении скорой встречи с любимым. Но сон, несмотря на лекарство, не шел – мешал звонкий смеющийся голосок Динки, доносящийся со двора. Она о чем-то с увлечение болтала с Сашей. И это раздражало.

Тамара, психанув, встала с кровати. Вечно от Динки одни проблемы! Поспать и то не дает! Подошла к окну. Она уже собиралась окликнуть дочь, как вдруг услышала стук в ворота, а затем увидела довольную соседку Ольгу – одноклассницу Саши, которая зашла во двор с тортом в руках. Тамара усмехнулась, задернула шторы. Ей нет надобности кричать Динке, потому что Ольга и без нее прекрасно испортит той настроение.

Тамара прекрасно знала, что фигуристая пышногрудая соседка имеет планы на Сашу, который хоть и не был в нее влюблен, но симпатизировал девушке. И Тамару эту вполне устраивало. По крайней мере, делить любовь Саши с Ольгой ей точно не придется.

В отличие от настырно-назойливой Динки.

Тамара не догадывалась об истинных чувствах Саши к Дине. Причиной тому была ее гордыня и высокомерие. Она была уверена, что пасынок не может влюбиться в простую и, на ее взгляд, неприметную Динку. Что она для него лишь сестра, не более. Что до самой Динки, здесь Тамара тоже не особо допускала мысль о какой-либо романтике с ее стороны. Безусловно, собственница Динка ревновала Сашу ко всему, что двигалось. Но и это вполне устраивало Тамару. Пусть знает, каково это – терять тех, кого любишь.

Женщина снова легла на кровать, поудобнее устроившись на подушке. Она попробовала представить лицо Петра, но вместо него ей почему-то пригрезился улыбающийся Саша. Немного поборовшись с этим видением, Тамара сдалась… В конце концов, какая разница… Одни и те же проникновенные глаза, те же жестко очерченные губы, слегка вьющиеся волосы, сильные руки, тот же мужской характер…

С каждой минутой Тамару все сильнее уносило в царство Морфея, в то время как во дворе в это время назревал нешуточный скандал. В одном Тамара точно была права – ревнивица и собственница Динка не желала делить своего брата ни с кем. И уж тем более с этой выскочкой Ольгой…

Гербарий

– Дина, я тоже тебя рада видеть, – без зазрения совести язвительно улыбнулась Ольга, глядя на раздосадованную Динку. Тут же радостно продемонстрировала Саше самостряпанный торт. – Саш, пробовать будем?

– Конечно, будем! Проходи, Оль! – радушно откликнулся парень. – Сейчас чай организуем! О, как раз бабуля!

Из дома, заслышав голоса гостей, вышла любопытная Клавдия, улыбнулась при виде Ольги.

– Какие люди! Привет! Сама состряпала?

– К Сашиному приезду, – с гордостью откликнулась девушка. – Здрасти, Клавдия Матвеевна!

– Так чего стоим? Пошли в беседку! – бабушка обернулась, бросив удивленный взгляд на мрачную Динку. – Дин, ты чего словно лимон зажевала?

– Пошли торт есть, – приобнял сестру довольный Саша.

Динка с силой скинула руку брата со своей талии и рванула к воротам, нервно кутаясь в свою балахонистую кофту.

– Жрите свой торт сами!

Бросив виноватый взгляд на Ольгу, Сашка рванул за Динкой.

– Оль, ты проходи. Бабуль… – И тут же: – Дин! Ну ты куда?! Постой! Дин!

Для Ольги не было секретом, что заноза Динка на дух не выносила ее. Впрочем, Ольге было на это глубоко плевать. Главное, в поселок вернулся Саша. А это значит, не все еще потеряно!

Ольга и не скрывала, что давно положила глаз на этого статного красавца. Дело было даже не во внешности парня, а в его по-настоящему мужском характере, столь редко встречающемся среди современных парней. Немногословный, ироничный, умный, Сашка всегда держал свое слово, никогда не пасовал перед

трудностями, с детства вступался за слабых. Нет, он, конечно, не был идеальным – мог быть взрывным, совершать необдуманные поступки, но в целом… Такого, как Александр, Ольга еще не встречала.

Ей было уже 22. По меркам их сибирского поселка – немало. А по мнению ее матери Натальи, которая работала продавщицей на рынке и родила саму Ольгу в 16 лет, это почти пенсия! Еще немного, и дочка точно засидится в девках! Наталья искренне не понимала, чего Ольга так вцепилась в этого Сашку – могла бы себе парня и попроще да подоступней найти. Часики-то тикают! Но настырная Ольга стояла на своем: ей был нужен только Александр Славянов! Сашка стоил того, чтобы подождать его, была убеждена девушка.

Ольга была уверена, что могла бы легко завоевать парня, если бы только рядом с Сашкой вечно не вертелась эта дурацкая Динка. Вот и сейчас вместо того, чтобы пойти с ними пить чай и пробовать ее фирменный торт (на который она потратила полночи), парень, забыв обо всем, рванул за сестрой. Наблюдать за их разборками у Ольги не было особого желания, поэтому она пошла в беседку вместе с Клавдией, которая уже успела бросить обеспокоенный взгляд в сторону ругающихся у ворот внуков. Иметь союзницу в лице Сашиной бабушки Ольге было на руку, поэтому она была не прочь пообщаться с Клавдией Матвеевной. И пока Саши с ними нет, выведать, как у того идут дела, что новенького, не появился ли кто у него в городе на любовном фронте…

Тем временем у ворот уже вовсю шли разборки. Динка не успела, психанув, выскочить на улицу – ее перехватили крепкие руки Саши. Парень преградил ей путь. За что тут же со всей дури его оттолкнули в сторону.

– Дин, да объясни ты, в конце концов, что происходит? – Сашка был в растерянности. Он реально не мог понять скачки в поведении сестры. Ведь еще пять минут назад она была счастлива и спокойна.

– Дурак ты, Сашка! Вот что происходит! – в сердцах выдала Динка и снова рванула к двери. Сразу убежать не удалось, потому что на пороге оказался еще один гость – друг Сашки Михаил. Нарядный, причесанный, с букетом цветов, предназначенным, конечно, не для друга. Михаилу давно очень нравилась Динка. Парень явно планировал произвести на нее впечатление, но вместо этого…

– Еще один! – психанула девчонка и, игнорируя удивленный взгляд и приветствие гостя, выбежала на улицу.

– Дина!

Но та уже не слышала его, убегая в сторону реки.

– Что это с ней? – обескураженность Миши можно было понять. Он еще ни разу не видел Динку в таком взбудораженном состоянии.

– Сам бы хотел знать. – Сашка по детской привычке взъерошил свои кудрявые волосы. – Оля торт принесла, вот она и… Не понимаю, и чего Динка взъелась на Ольгу? Она же ей ничего плохого не сделала.

Не зная, что ответить, Михаил просто пожал плечами. Взгляд Александра скользнул на букет.

– А это еще что? – настороженно усмехнулся парень, иронично добавив: – Только не говори, что ты по мне так соскучился, что…

– Вообще-то, это Дине… – нехотя выдавил Миша.

На каком-то непонятном ему интуитивном уровне Миша знал, что букет Александру точно не понравится. Но, набравшись храбрости, все же решил идти до конца. Дина ему действительно нравилась, и он готов был за нее побороться. Даже с ее собственным старшим братом.

Сашке потребовалось несколько минут, чтобы осмыслить услышанное.

– Дине?

Улыбка окончательно исчезла с его лица. Мише стало не по себе. Несмотря на то, что они с Сашкой были лучшими друзьями, когда он вот так хмурился это означало лишь одно – ничего хорошего не будет.

– Понимаешь, тут такое дело… – замямлил Михаил, старательно пряча букет от друга, звереющего на глазах. – Мне очень нравится твоя сестра. Я бы хотел с ней

встречаться. Ты только не подумай… Твои мама и бабушка не против. – Чтобы хоть как-то смягчить напряженную обстановку, Миша даже попытался неуклюже пошутить: – Ну где ты найдешь лучшего зятя, чем я?

Парень и не заметил, как букет оказался в руках мрачного Александра. Без лишних предисловий, взяв опешившего друга за шиворот, Сашка выставил его за дверь.

– Свободен!

– Но… – попытался возразить Миша, однако на этом моменте дверь с грохотом закрылась прямо перед его носом.

Из-за ворот раздался возмущенный голос Александра:

– Мама! Бабуля! Мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит?

Благоразумно решив, что сейчас явно не самое подходящее время для продолжения беседы с другом, Миша решил заглянуть попозже, искренне недоумевая, какая оса в этот день укусила обоих: и Динку, и ее старшего брата.

* * *

– Стоило мне на три недели уехать из дома – и на тебе! – разгневанный Сашка, словно загнанный зверь, метался возле беседки, в которой Клавдия, Тамара и Ольга накрывали стол для чаепития. – Мой лучший друг таскает эти… Гербарии! Моей несовершеннолетней сестре!

Парень то и дело тряс букетом перед лицами изумленных Клавдии и Тамары, выговаривая им все, что думает по поводу прихода Михаила.

– Мама?! Бабушка?! Я требую объяснений!

– Сынок, Миша просто предложил Динке встречаться, – попыталась сгладить ситуацию Тамара, перечисляя аргументы. – Он хороший парень, мы давно его знаем, он твой лучший друг…

– Встречаться?! Мама! Да ей же пятнадцать!

Тамара осеклась, поняв, что доводы рассудка в этот момент не очень действуют на ее пасынка.

– Вообще-то, семнадцать, – как бы между прочим вставила свои пять копеек бабушка, бросив ироничный взгляд на не на шутку разбушевавшегося внука. – Саш, да остынь ты…

Но ее слова уже не действовали.

– Если я еще раз увижу такой веник… – раздосадованный Саша, не найдя нужных слов, швырнул букет к ногам матери, после чего пошел в дом.

В беседке воцарилось неловкое молчание.

– И что на него нашло? – пожала плечами Тамара, виновато глядя на расстроенную Ольгу.

– Я, пожалуй, пойду, теть Том.

– Оль, да не обращай ты внимания, – подключилась Клавдия. – Сашка сейчас вернется…

– Простите, я просто вспомнила… У меня дела. Всего доброго!

Соседка ушла. Недовольная Тамара бросила мрачный взгляд на задумчивую мать.

– Не нравится мне все это, мам. Совсем не нравится.

Берега

Задумчивый, витающий в своих невеселых мыслях Саша шел рядом с Ольгой по улице. Несмотря на отвратительное настроение, парень все же вызвался проводить соседку, когда понял, что та уходит. Ему было неудобно перед Ольгой, но сдержаться он не смог. Весь его привычный мир, в котором Динка всегда была рядом только с ним, рушился на глазах. И собственнику Александру, мягко говоря, это не нравилось.

Солнце палило в глаза, при этом дул резкий ветер, порой больно царапая кожу принесенным с карьеров песком. Берег поселка уже давно весь был изрыт предприятиями, добывающими щебень и гальку.

– Так что нового у тебя там в Красноярске? Подружку завел? – словно откуда-то издалека до Саши долетели слова настойчивой Ольги, которая, похоже, повторила их уже не один раз.

– Мне там не до подружек, – буднично отозвался Саша, просчитывая в голове варианты, куда могла убежать Динка. Наверняка сидит на своем любимом месте – на берегу Енисея. И злится. Только чего злится – Саше было не понять. И зачем было устраивать скандал на ровном месте?

– Может, ко мне зайдешь? – рука Ольги заигрывающее коснулась ворота рубахи парня. – У меня родители на даче. Чаю попьем.

Ольга шла ва-банк. Но Саше было не до «чая».

– Прости, Оль. Но у меня дела! И спасибо за торт! – парень подарил соседке обворожительную улыбку и поспешно скрылся за поворотом, по дороге, ведущей к реке.

Ольга раздраженно закатила глаза. Как же ей надоело вечно находиться по разные берега с Сашкой! Он даже не услышал, ЧТО она ему только что предложила!

– Наверняка Динку пошел искать! – недовольно процедила Оля, добавив с обидой: – Может, мне тоже потеряться, чтобы он меня заметил?

Поняв, что на сегодня ловить больше нечего, раздосадованная Ольга направилась в подъезд старого двухэтажного многоквартирного дома, где жила с матерью. Ее мечты заполучить завидного жениха Александра Славянова таяли на глазах, однако настойчивая девчонка все еще не теряла надежды. Завтра будет новый день, а значит – новый шанс. Она попробует еще раз завоевать Сашку, потому что надо быть полной дурой, чтобы упустить такого парня в их тихо дремлющем провинциальном болоте!

* * *

Саша был прав. Злая, обиженная на все и всех Динка сидела на своем любимом месте: на старом бревне, которое несколько лет назад выбросило на берег Енисея. Девчонка методично кидала в неспокойную гладь реки плоские камешки, каждый раз представляя, что швыряет их в ненавистную выскочку Ольгу.

– Сашка только мой! И я не отдам его какой-то там куропатке общипанной! – в который раз недовольно пробурчала девчонка.

Нет. Она не разговаривала сама с собой. Рядом с ней, как всегда бывало в трудных ситуациях, сидел ее верный рыцарь – «ботаник» Валерка. И тоже пускал «блинчики» по Енисею.

– Дин, ты – сестра, она – подруга, – пытался спокойным менторским тоном урезонить не на шутку разбушевавшуюся подружку рассудительный Валерка. – Это разные вещи!

– И ничего не разные! Сашка – мой! Он только мой!

Поняв, что спорить с Динкой бесполезно, Валера прибегнул к проверенному «успокоительному» средству. Протянул подружке конфету, которую нашел у себя в кармане.

– На, пожуй. Полегчает.

Динка с благодарностью взяла лакомство. Конфета – это именно то, что ей сейчас было надо.

– Спасибо, Ботаник. Ты настоящий друг! – улыбнулась она, разворачивая сладость.

За разговором, конфетой и каменными «блинчиками» Динка с Валерой слишком поздно заметили приближающуюся к ним банду местного хулигана Федьки, который славился своей нахрапистостью и уверенностью в том, что ему абсолютно все сойдет с рук. И тому были предпосылки, ведь Федор был единственным сыном местного военкома.

Высокий, симпатичный, с довольно резкими чертами лица, Федор вполне бы мог произвести приятное впечатление, если бы не его гнилая натура, которая проявлялась во всем, что он делает. Он никогда не ходил один. Рядом с ним всегда было трое его дружков, которые придавали храбрость этому по натуре трусливому моральному уроду.

Динка всегда была желанным трофеем для Федора. Звал он ее не иначе как Заноза, потому что она была остра на язык и всегда отшивала его. Это не могло не задевать самолюбие Федора, на которого обычно сами вешались местные девчонки, считая его видным парнем. Неудивительно, что, обнаружив Занозу на пустынном берегу, Федор воспринял это как реальный шанс отыграться на несговорчивой Динке.

– Какие люди и без охраны! – издали начал стебаться Федька под громкий хохот дружков, которые в эту минуту здорово смахивали на стайку шакалов. – Заноза и Ботаник собственной персоной!

Запоздало заметив местных хулиганов, Дина и Валера поспешно встали с бревна, просматривая пути отступления. Однако их не было. Дружки Федора уже окружили их. Как ни странно, но в этой ситуации напряженная Динка боялась не столько за себя, сколько за Валерку, который хоть и обладал недюжими мозгами, однако постоять за себя физически толком не мог. Сашка по просьбе Динки не раз пытался обучить его приемам самообороны, но в случае с неуклюжим Валерой это было без толку. Поэтому от банды Федьки Ботанику доставалось регулярно, и, похоже, этот случай не станет исключением.

Вдали мерно загудела баржа, проплывающая мимо берега на Север, везя в вечно промерзлую Игарку запасы нового урожая ранней картошки на зиму. Динка беспомощно оглянулась. Кричать и звать на помощь не было смысла. Слишком

далеко – не услышали бы. Да и если бы услышали, не развернут же они баржу к ним…

– Федь, мы лучше пойдем. – Динка поспешно взяла за руку растерянного Ботаника, пытаясь внаглую пройти с ним сквозь цепь хулиганов, но не тут-то было.

– Не так быстро!

– Федь, отвали! Иначе я милицию сейчас вызову! – возмутился Ботаник.

Несмотря на то что физически дать сдачи Валера не мог, никто не обвинил бы парня в трусости. Он схватился за свой простенький сотовый телефон, купленный заботливой бабушкой ему на день рождения.

– Ой, мы так испугались! – тут же хохотнул один их хулиганов – кривоносый белобрысый весельчак Серега, ловко выбив мобилу из рук растерянного и, говоря по правде, не на шутку напуганного пацана. Телефон взмыл в воздух и приземлился аккурат в руки другого хулигана – черноглазого Бориса.

– Опа!

– Эй, вы что? – в голосе Валеры прозвучало неприкрытое отчаяние. Вдобавок ко всем проблемам, мальчишка панически боялся, что подарок разобьется и ему придется отвечать за это перед его строгой бабулей, которая по совместительству была директором их школы. А это будет пострашнее хулиганов! – Отдай!

– Поймай! Опа!

Телефон перелетал из рук в руки отморозков, пока растерянный Валера безуспешно пытался поймать его, бегая, словно собачонка, между смеющимися хулиганами. Наконец телефон приземлился на землю и «почил» под подошвой третьего хулигана – Лехи, который, лихо исполнив танцевальное па, разбил сотовый ногой о камни.

– Та-дам! – победоносно возвестил Леха, вдавливая разбитый телефон ногой в прибрежную гальку.

– Ты что наделал?! – взвыл Валера. – Бабушка же меня…

Договорить парень не успел, так как получил от ржущего Федьки пинок под зад. И сам полетел вслед за телефоном на землю. Этого возмущенная Динка стерпеть уже не могла.

– Ты что творишь, урод?! – набросилась она на Федьку. – Отпустите его!

В ответ сын военкома лишь усмехнулся. Ее угрозы не возымели действия. Валерку продолжали избивать, а саму Динку, которая пыталась броситься на помощь другу, по молчаливому приказу Федьки в сторону оттащил Леха.

Федька трусовато осмотрелся. Убедившись, что на пустынном берегу их никто не видит, тихо отдал приказ:

– В лес ее.

И парни, смеясь от души, потащили сопротивляющуюся, не на шутку напуганную девчонку в сосновый бор, который раскинулся неподалеку от берега – через дорогу, оставив избитого Валерку валяться на галечном берегу Енисея.

– Валера! Валера! – то и дело доносились до избитого мальчишки вопли-всхлипы Динки, которые тут же тонули в протяжном гудке очередной баржи, идущей на Север.

Цена

Сосновый бор, в котором хаотично перемешались многовековые хвойные со стройными березками, растянулся вдоль Енисея, вплотную прилегая к поселку. На его окраине впритык располагались районная больница и морг. Здесь же была специально построена и «туберкулезка», чтобы ее пациенты могли постоянно дышать чистым воздухом. Правда, те по большей части захаживали в

лес, чтобы пропустить бутылочку-другую пива, а то и курнуть, прячась от строгого медперсонала.

По весне бор усыпали оранжевые жарки, летом – синеглазые васильки, душистыми малиновыми гроздьями цвел иван-чай. Еще здесь нет-нет да встречались ранней весной так называемые «подснежники» – пара-тройка трупов без вести пропавших еще с поздней осени. Это было не удивительно: «криминальных мест» в сосновом бору хватало. Чего стоит только один заброшенный пионерский лагерь, который не пережил «перестройки». Настоящие пугающие катакомбы – любимое место обители бомжей! Так что сосновый бор был местом весьма живописным, но далеко не самым безопасным. Впрочем, народ это, как правило, не останавливало. Со свойственной русскому человеку «авось пронесет» жители поселка, а то и горожане частенько заруливали сюда на шашлыки, оставляя после себя вдобавок кучу мусора.

Федька и его дружки прекрасно знали бор. Их излюбленным местом был как раз тот самый заброшенный пионерский лагерь, куда они и пытались притащить перепуганную Динку. Однако девчонка не собиралась сдаваться без боя. Поняв, что ее крики никто в этой глуши не слышит, она, ловко вывернувшись, укусила за руку кривоносого Серегу, дала под дых Лехе и побежала. Что есть сил.

– Стой, су… – вопль Серого тут же подхватило эхо, унеся в чащу.

Четверо парней, не сговариваясь, помчались за своей жертвой. Адреналин туманил мозги, первобытный охотничий инстинкт окончательно вытравливал из парней все человеческое.

– Стой!

Но Динка мчалась не разбирая дороги сквозь бурелом. Колючие ветки уже давно разодрали ноги и руки в кровь, но девчонка не замечала боли. В голове пульсировала только одна мысль: спастись!

* * *

Сашка слишком хорошо знал Динку, поэтому сразу угадал, где ее искать. Именно на ее любимом месте на берегу Енисея он и нашел избитого Валеру.

Напуганный парень попытался оказать ему первую помощь, но Валерка, шмыгая разбитым носом, с трудом восстанавливая дыхание после жесткого удара в солнечное сплетение, лишь простонал:

– Динка… Они утащили Динку. В лес. Федька.

Больше слов было не надо. От страха и злости у Сашки потемнело в глазах. Парень стремглав помчался к сосновому бору. Как и Федор, он хорошо знал лес. И ему не надо было долго думать, чтобы понять, куда тот мог потащить его Динку. Наверняка к развалинам лагеря, где местные наркоманы варили малагу, а Федор тусовался со своей бандой.

У Александра был давний конфликт с Федькой. Они учились в параллельных классах, поэтому прекрасно знали друг друга. Федька всегда по-черному завидовал Сашке, по которому вздыхали почти все девчонки в школе. Сыну военкома был не нужен такой конкурент, но, памятуя о спортивных успехах соперника в единоборствах, да и о его «крутой» мамаше, которая входила в руководство одного из крупнейших заводов края, связываться напрямую с Александром Федор не рисковал. Зато исподтишка… Как, например, сейчас. Федька, как и все, прекрасно знал, что самое слабое место Саши – Динка.

* * *

Подвела нога. Не так давно, чтобы сократить путь домой, Динка решила перелезть через забор и подвернула лодыжку. И именно она, будь неладна, подвернулась снова в самый неподходящий момент! Девчонка упала! Вскочила. Но было слишком поздно. Четверо отморозков, улюлюкая и издеваясь, окружили ее, не давая выйти из круга.

– Куда пошла? Куда?

– Отпустите!

Но кто бы ее слушал!

Сопротивляющуюся Динку схватили и потащили к развалинам. Дорога оказалась не столь близкой, поэтому пыл у части парней поутих.

– Здесь постой! На шухере! – приказал Федька младшему, оставляя того у входа в развалины.

– А, что сразу я?! Я тоже хочу!

– Хотелка еще не выросла! – огрызнулся Федор, и мелкий затих, не рискуя связываться с главарем.

Затравленная Динка уже сидела на бетонной плите в окружении «охраны», когда к ней подошел самодовольно усмехающийся Федор. Он впервые видел Динку такой испуганной.

– Ну что, по-хорошему договоримся или как?

– Или как! – огрызнулась Динка. – Федь! Я все Сашке расскажу! Он тебя…

Но Федька уже не слушал. Его рука потянулась, чтобы снять бретельку сарафана, однако была тут же перехвачена другим парнем – черноглазым Борисом.

– Федь, подожди! Пошутили и хватит!

Одно дело припугнуть зарвавшуюся девчонку, и совсем другое… Но, похоже, главарь не до конца понимал серьезность ситуации.

– Не понял! – на минуту Федька даже забыл о Динке, настороженно наблюдающей за назревающим конфликтом. – Борь, если тебе че не нравится – вали! Мы тут никого не держим!

– Девка-то красивая! Скажем потом, что не против была. Сама с нами пошла! – тут же, хохотнув, влез в разговор недалекий кривоносый Серега. Он сам вырос в семье, где было в порядке вещей, что гулящая мать приводила чуть ли не каждую неделю очередного любовника. Так что в женскую порядочность он давно не верил.

Борис напрягся. Ему совершенно не нравилась вся эта ситуация, но идти на открытый конфликт с Федором не хватило духа.

– Да пошли вы! – психанул парень, скрываясь в чаще леса, унося с собой последнюю надежду Динки на спасение.

– Вали! Вали! Нам больше достанется! – заржал вслед Серый.

Федор снова повернулся к бледной напряженной Динке.

– Так на чем мы там остановились?

– Сашка тебя убьет! – сквозь зубы процедила девчонка.

– Убьет – и сразу сядет, – философски усмехнулся парень. – Но ты же не позволишь, чтобы твой братец оказался в тюрьме? Поэтому будешь молчать.

– Вот еще! – в голосе Динки предательски чувствовалась неуверенность. – Да он тебя…

– Если твой братец рыпнется, имей в виду… Мой отец кто? Правильно! Военком! Он твоего Сашку быстро в горячую точку отправит. А там страшно. Там стреляют, – живописно вещал парень, наслаждаясь эффектом, который его слова производят на Динку. – И поминай как звали. Но если посговорчивей будешь…

Рука Федора снова потянулась к бретельке сарафана. Бледная Динка не шевелилась.

Затем Дина резко рванула, оттолкнув от себя Федора. И снова погоня. Но этот раз не такая длинная – Серега оказался проворней. Перехватил Динку прежде, чем она смогла далеко убежать.

– Отпусти! – Но, казалось, отчаянный крик Дины мало волновал безмятежный сосновый бор.

– Отпусти ее! – словно эхо, внезапно раздался пугающе спокойный голос Александра.

От неожиданности вздрогнула не только Динка, но и Федор. Серега нервно хихикнул, глядя на невесть откуда взявшегося Сашку. Мелкого, стоявшего «на шухере», не было. Буквально минуту назад злой, как стая собак, Александр вырубил его одним точным ударом. Сейчас часовой валялся на земле без сознания.

Федор напрягся. Похоже, прямого конфликта на этот раз не избежать. И хотя на его стороне был Серега, выглядеть трусом и слабаком в глазах приятеля ему не хотелось, поэтому отступать было некуда.

– Чего приперся? Мы тут это… Общаемся, – Федор пытался выглядеть самоуверенно. Получалось не очень.

– Ага! У нас тут все по обоюдному согласию! – тут же встрял Серега, желая поддержать главаря, не понимая, что сболтнул лишнего.

Сашка бросил злой, раздраженный взгляд на Динку. Сколько раз он говорил ей, чтобы та не смела без него ходить на пустынный берег Енисея?! Но кто бы его слушал!

– Иди сюда! – не просьба, приказ.

Однако пройти к Сашке мимо Федора и Сереги у девчонки не получилось. Серый, гнусно усмехаясь, лишь сильнее сжал брезгливо морщащуюся девчонку в своих «объятьях».

– Я же сказал… У нас по обоюдному.

Не теряя надежды избавиться от Сашки без драки, Федор бросил на Динку многозначительный взгляд.

– Я не шутил насчет Кавказа…

И Динка опустила глаза.

– Саш, ты иди… – слова давались через силу. – У нас тут все в порядке… Мы просто общаемся.

Но было наивно полагать, что Александр уйдет просто так. Парень сделал шаг по направлению к сестре. Первым сдали нервы у Федора, и он исподтишка набросился на Сашку. Завязалась драка. И, хотя силы были заведомо не равны – двое на одного, – и Федору, и Сереге досталось по полной. Особенной учитывая, что Динка тоже не стояла без дела. Быстро придя в себя, она схватила первую попавшуюся корягу и огрела ею по голове Серегу, который как раз пытался напасть на Сашку со спины. А дальше Александр уже сам ловко справился с Федором, который не привык драться с противником один на один. Дело принимало серьезный оборот. Злость Александра явно выходила из-под контроля. Один точный удар следовал за другим. И это пугало Динку уже больше, чем нападение Федьки и его банды.

– Саша! Сашенька! Остановись! Ты убьешь его! – Отчаянный голос Динки словно из тумана дошел до Александра, когда он в очередной раз занес кулак над окровавленной мордой перепуганного Федора, лежащего на траве. – Убьешь и сядешь! Я не хочу этого!

Динка, крепко обнимая брата, всем своим телом пыталась загородить собой Федьку, чтобы только Сашка, будучи в состоянии аффекта, не убил его.

Униженный, злой Федька выплюнул окровавленный выбитый зуб.

– Ты мне дорого заплатишь! А ты… – отползая в сторону, Федька перевел взгляд на испуганную Динку. – Ты еще сама приползешь ко мне…

Сашка со спокойным выражением лица тут же окончательно вырубил Федора.

– Урод.

Динка закрыла глаза. Внутри все похолодело. И хотя она была рада, что Саша пришел вовремя и спас ее, в душе она прекрасно понимала: злопамятный самолюбивый Федька не бросал слов на ветер. За это спасение им придется заплатить разлукой.

Не уходи

Звон церковных колоколов мерно разливался над неторопливым поселком, растворяясь в тяжелых черных грозовых тучах, идущих с Енисея. Погода портилась. И, хотя лето было в разгаре, с реки уже несло прохладой.

Динка, стоя перед иконой Иисуса, невольно поежилась.

– Боженька, пусть у мамы получится! Пожалуйста, пусть получится, – беспрестанно шепотом повторяла она, в душе понимая, что молится не о богоугодном деле.

На днях Сашке пришла повестка в военкомат. Федька, будь он неладен, сдержал слово. И теперь Тамара, снявшая со своего счета почти все накопления, тайком от сына пошла к военкому в надежде дать ему взятку. Пусть бы эта самая проклятая повестка «случайно» потерялась. Или личным делом Александра кто-то «по оплошности» подпер ножку шкафа.

– Пожалуйста, Господи… Я знаю, я плохая… Не о хорошем прошу… Но только не дай ему уйти.

Страхи Динки не были беспочвенными. Она хорошо помнит, как несколько лет назад из так называемой горячей точки в поселок пришел «груз-200». В перестрелке с террористами погиб старший брат ее одноклассницы Лешка. Его убили за три дня до 19-летия. Тело пролежало в чистом поле почти месяц. Родные даже не подозревали. Радовались запоздало пришедшему от него старому письму, думая, что он все еще живой. Светловолосого конопатого Лешку хоронили со всеми почестями, как героя, в закрытом гробу – от тела мало что осталось. Дина была на этих похоронах. Хорошо помнила вой его матери, истеричные рыдания сестры. И она панически не хотела такого повторения в своей семье.

И вот сейчас грозовая туча волнений и переживаний за судьбу сводного брата обрушилась на саму Динку. Она отчаянно боялась, что Саша уйдет и не вернется…

Ее страх в полной мере разделяла и Тамара, сидящая в этот момент в кабинете военкома – Федора Валентиновича, невысокого пухленького лысеющего мужичка, имеющего привычку вечно улыбаться по поводу и без.

– Извините, Тамара Васильевна, но ничем не могу помочь.

Он врал, глядя Тамаре в глаза. И они оба это прекрасно понимали. Своего любимого единственного сынка Федора военком ювелирно «отмазал» от армии, организовав тому плоскостопие вкупе с энурезом. Приятельница Тамары – врач в местной поликлинике – сама рассказывала ей об этом. Но с Сашей этот номер точно не прошел бы. Во-первых, парень слишком часто участвовал в спортивных соревнованиях, где регулярно проходил медкомиссию. А во-вторых, надо было знать самого Сашку. Принципиальный, упрямый, он ни за что бы не согласился на обман.

– Федор Валентинович, – в голосе Тамары звучал нескрываемый укор. – Свои люди – сочтемся. Вы же меня знаете: в долгу не останусь.

– Не в этот раз, Тамара. Не в этот раз… Тем более твой сын сам по повестке пришел. Документы все принес.

Это был тот редкий момент в жизни, когда Тамара не на шутку разозлилась на Александра! Далась же ему его принципиальность! Весь в Петра! Тот был такой же. Никогда не бегал от проблем. Горькие мысли Тамары прервал ехидный голос военкома:

– Ты, кстати, в курсе, что мой Федька в больнице? Какой-то гаденыш ему челюсть свернул… Так что передавай привет дочери. Не обессудь.

Тамара встала. Военком дал ей ясно понять, что вести дальнейшие переговоры бессмысленно.

– Ты это, Федь, тоже имей в виду, – уже в дверях обернулась Тома, – если с моим сыном что-то случится… Ты меня знаешь… Я и здесь в долгу не останусь.

Военком невольно побагровел. Месть за обиженного сына настолько затмила ему глаза, что он и забыл про Тамару, которую куда лучше иметь в друзьях, чем

во врагах. Ее металлически спокойный голос откровенно пугал, но отступать уже было некуда.

– Тамара Васильевна, закон есть закон, – начал было примиряюще оправдываться он… – Скажите, спасибо, что Федор заявление на твоего сына не написал…

– Спасибо?! – Тамара в очередной раз поразилась цинизму военкома.

Ей хотелось подойти к этой наглой усмехающейся роже, давно уверовавшей в свою безнаказанность, и треснуть чем-нибудь тяжелым. Но вместо этого… Тамара «включила» дружелюбный тон.

– Федор Валентинович, если мне не изменяет память, твоему Федьке справку о плоскостопии Катышева Марина выписывала?

Военком напрягся, пытаясь понять, к чему она клонит.

– Так когда это было… Не помню уже.

– Зато я помню. В больнице она уже не работает. Пенсия у нее сейчас не большая… Терять ей уже особо нечего, поэтому… Раз ты не захотел презент взять, возьмет она.

– Ты это о чем? – насторожился Федор Валентинович.

Тамара цинично улыбнулась. Несмотря на бордовый, почти траурный деловой костюм, в этот момент она невольно напомнила военкому снежную королеву. Способную одним взглядом превратить душу собеседника в сосульку.

– Ты разве не в курсе? – «удивилась» женщина. – Твоему сыну по ошибке справку о плоскостопии выписали. Снимки перепутали. Это у Маринкиного племянника плоскостопие, а твой здоров как бык. Так что готовь повестку и на своего…

Военком побледнел. Будь неладен Федька со всеми его разборками! Но пасовать перед бабой не хотелось. Поселок не такой уж большой. Один раз прогнешься – все знать будут. Отступать было некуда.

– Спасибо за информацию, Тамара Васильевна.

– Всегда пожалуйста, Федор Валентинович, – дружелюбно отозвалась женщина, выходя в кабинет. – И про повестку для своего сынка не забудь…

Дверь закрылась.

– Стерва! – Мужик достал из ящика стола пачку сигарет, нервно закурил, хотя в кабинете это было делать нельзя.

Послал же Бог непутевого сыночка… Пусть теперь сам все расхлебывает! Хотя… Кому военком врал? Расхлебывать за сыном, как обычно, придется ему одному. Знал же, что со Славяновыми связываться чревато!

– Дурак, – сквозь зубы процедила злая на весь мир Тамара, направляясь к машине, возле которой ее уже ждал шофер Игорь. Толковый парень лет 30. Завидный холостяк, ненамного младше самой Тамары. Но ей казалось, она была старше его на целую жизнь.

– Домой? – уточнил шофер.

Тамара задумалась. Ее настолько переполняли злоба и досада, что их надо было куда-то или на кого-то выплеснуть. Поэтому, немного подумав, женщина ответила:

– Нет. В церковь.

Чем немало удивила Игоря. За годы работы с Тамарой парень прекрасно знал, что с кем, с кем, а с Богом его начальница точно не в ладах.

* * *

– Ну что, довольна? Сашу забирают! На Кавказ! – раздраженный голос Тамары, бесцеремонно ворвавшейся в церковь, эхом разлетелся под расписанным куполом храма. Она прекрасно знала, что найдет дочку именно здесь. Узнав, что Саше пришла повестка, перепуганная Динка буквально «прописалась»

в церкви – все дурное влияние Клавдии Матвеевны, которая с детства таскала детей с собой в храм, невзирая на протесты Тамары.

Динка, все еще стоящая возле иконы, испуганно посмотрела на разъяренную мать.

– Как на Кавказ?

Немногочисленные прихожане, стоящие чуть поодаль, кто осуждающе, а кто с откровенным интересом искоса поглядывали на Тамару – странную женщину, которая словно ураган ворвалась в храм без платка.

– Вот так! На Кавказ! – Тамара и не думала «убавлять громкость». Делала она это вполне сознательно. Словно в очередной раз бросая вызов Богу, высказывая Ему неуважение в Его собственном доме. – Военком даже денег не взял! И знаешь почему? Потому что его любимый единственный сын лежит сейчас в больнице со сломанной челюстью! Передал: скажите спасибо, что я на вас заявление в милицию не написал.

Динка похолодела, поражаясь человеческой наглости.

– Да это я могла на Федьку заявление подать! – попыталась оправдаться перед матерью девчонка. – Он меня изнасиловать пытался.

Но в данный момент, как впрочем и всегда, судьба любимого пасынка Тамару волновала куда больше, чем старшая дочь, вечно влипающая в неприятности.

– «Пытался!» – передернула Тамара. – Но ничего же не было!

– Потому что Саша успел! – в голосе Динки зазвучало неприкрытое отчаяние.

– Да лучше б он вообще в это не вмешивался!

Хлесткие слова матери били сильнее пощечины. Тамара не успокаивалась.

– Если Сашу убьют или покалечат… – женщине словно доставляло удовольствие видеть, как перепуганная Динка сжимается, словно от физической боли, от этих

слов.

– Бог не допустит!

Упоминание о Боге моментально подействовало на Тамару как красная тряпка на быка. Женщина с презрением фыркнула, искренне поражаясь, что дура дочь несет какую-то откровенную чушь.

– Да Он уже допустил! Ты что думаешь, Ему есть до тебя дело? Или, может быть, до меня? – Тамара озвучивала то, во что искренне верила. В ее словах звучала неприкрытая горечь и горькая обида на Господа. – Петю Он уже забрал. Сейчас, благодаря тебе, заберет еще и Сашу. Так! Пошли отсюда! И чтобы я ноги твоей больше здесь не видела!

Динка только и успела, что воскликнуть «мама!», как Тамара грубым решительным жестом схватила дочку за руку и, игнорируя осуждающие взгляды прихожан, потащила Динку к выходу. Та не сопротивлялась, прекрасно понимая, что это бесполезно. Если мать что-то вбивала себе в голову, ее уже было не остановить.

* * *

Резкий удар топора, и полено с треском распадается на две части. Перед уходом в армию Сашка старался успеть переделать по хозяйству как можно больше «мужских» дел, волнуясь, как мать с бабушкой и сестрами справятся тут без него.

Нет. Армии он не боялся. Даже наоборот, хотел пойти служить, искренне считая, что это долг каждого мужчины. Но за свою семью, состоящую из одних женщин, он переживал. Его и без того невеселые размышления прервала возмущенная Динка, ворвавшаяся фурией (как недавно мать в церковь) во двор.

– Ты зачем в военкомат пошел?! Тебя кто просил?! – девчонку переполнял праведный гнев, вызванный страхом за Сашу.

– Я еще только от армии не бегал, – фыркнул парень, взяв новое полено. И как Динка только могла подумать, что он запишется в уклонисты? – Считай, долг

Родине.

Но девчонке в этот момент было глубоко плевать на его патриотизм, принципиальность, Родину, на все на свете… Ее волновал лишь Саша.

– Да чушь собачья это все! – взорвалась она. – Нет у тебя никакого долга перед Родиной! А вот перед семьей есть! И неоплаченный! Мы же тебя не бросили, когда папы не стало! Тогда почему ты нас сейчас бросаешь?!

Динка прекрасно знала, что била под дых, обвиняя Сашку в мнимой неблагодарности. Мальчишка уже давно стал опорой для семьи. Но отчаявшаяся Динка была готова сказать любую гадость, лишь бы только заставить Сашку передумать. И остаться. Рядом с ней. Навсегда.

– Ты эгоист! Ты ни о матери, ни о Люсе, ни о бабушке, ни обо мне не подумал! – продолжала обвинять Динка, надеясь задеть его за живое. Ударить побольней. Лишь бы только он передумал и остался. Хотя бы ведомый чувством вины перед близкими.

Дина прекрасно осознавала, что ведет себя как конченая эгоистка. Но ей уже было все равно. Она никогда и не скрывала, что не собиралась делить Сашу ни с кем. И тем более отпускать его от себя так надолго! Даже расставание на время его учебы далось ей с большим трудом, хотя он приезжал домой каждые выходные. И каждый раз она ждала его на остановке. Все эти пять лет университета. А тут… Два года службы офицером после вышки. Шутка ли!

– Я тебе никогда этого не прощу! Слышишь?! Никогда! Ты предатель! Неужели ты не понимаешь? – Отчаяние заставило девчонку признаться в том, о чем мальчишка и так давно знал: – Я без тебя жить не умею, Саш…

Эти слова на долю секунды перекрыли обиду Саши от ее предыдущих фраз. Парень уже хотел сказать что-нибудь в утешение Дине, но в этот момент во дворе опять появился вечно улыбающийся беззаботный Мишка.

– Всем привет!

Ревность хмурой тенью тут же легла на лицо Саши. Проигнорировав приветствие друга, парень одним махом глубоко вонзил топор в полено и цинично процедил Дине, взглядом показывая на ничего не понимающего Михаила.

– Ничего. Научишься.

Мишка растерянно проводил взглядом мрачного друга, который уже скрылся в доме.

– Дин, что это с ним? – растерянно поинтересовался он.

Динка сама бы хотела это знать. После того как Саша спас ее в лесу от этих отморозков, что-то поменялось в их отношениях. И сильно. Саша был сам не свой. К досаде Динки, он словно стал ее сторониться. Старался не оставаться с ней наедине. Даже запретил ей заходить в свою комнату вечером, хотя они всю жизнь болтали на ночь глядя. Нет, он не стал чужим. Он стал другим. И это Дину категорически не устраивало.

Она и не представляла, что Сашка злился. На Динку. На Мишку. На себя.

А еще переживал. Когда он уйдет в армию, Федька наверняка решит повторить свой «подвиг». Как защитить Дину от этого урода, парень не знал. И это сводило с ума. С детства лучшим советчиком Александра была бабушка, повидавшая немало на своем веку. Именно к ней за советом и отправился раздосадованный внук.

* * *

Боже мой! Такого зануду, как Миша, надо было еще поискать! Динка сидела с ним на кухне, пила чай и ждала, когда он наконец уйдет, чтобы можно было побежать искать Сашку. Но Миша никуда не торопился.

– И вот когда я устроюсь на работу… – продолжал разглагольствовать он, – мы могли бы пожениться.

Парень взволнованно поднял глаза на собеседницу в ожидании хоть какой-то эмоциональной реакции, но, похоже, задумчивая Динка была больше увлечена

мухой, ползающей по кухонному гарнитуру, чем его предложением руки и сердца.

– Дин, ты меня слышишь?

Настойчивый голос Миши вывел девчонку из оцепенения.

– А? Что?

– Я спрашиваю, замуж за меня пойдешь? – от волнения в лоб поинтересовался парень.

Миша искренне считал, что у Динки нет причин для отказа и она должна обрадоваться, но…

– Миш, ты чего? – изумилась девчонка. – Мы же с тобой даже не встречаемся.

– Так давай начнем, – тут же жизнерадостно отозвался парень.

Динке искренне не хотелось обижать доброго верного Мишку, однако врать ему тоже не было желания. Не зря же бабушка всю жизнь говорила, что ложь унижает.

– Ты только не обижайся. Я сначала образование получить хочу, а уж потом…

– Так значит, ты согласна?! В смысле, пожениться потом? – воодушевился Миша, который никогда не отличался повышенной сообразительностью в сердечных делах.

Если честно, Динку это раздражало. Навязчивость и недалекость Михаила. Когда говоришь напрямую, а человек слышит только то, что хочет слышать. Но при этом Миша всегда был хорошим и верным другом, поэтому девчонка злилась на себя за свои негативные эмоции по отношению к нему.

– Нет. Миша. Я не согласна, – мягко, но при этом безапелляционно отозвалась Дина.

– Ладно. Я подожду, – покорно вздохнул парень.

– Не надо ждать, Миш. Я все равно люблю другого.

Признание вырвалось как-то само собой, чем удивило не только Мишу, но и саму Динку.

– Кого? – опешил несостоявшийся жених. – Валерку, что ли?

Больше вариантов на ум не приходило, потому что именно с Валерой Динка проводила больше всего времени.

Дина не ответила. И Миша счел ее молчание как «да».

Парень ушел. Растерянная Дина поднялась к себе в комнату. Она никого не хотела видеть. Ей надо было привести свои мысли и чувства в порядок.

«Люблю другого» – эти слова прочно засели у Дины в голове. И стали открытием. Для нее самой. Потому что только сейчас до нее вдруг дошло, что все эти годы она вкладывала в слово «люблю», когда говорила его Саше, совсем другое значение… Не то, которое предназначается брату, другу, дорогому человеку…

Дина села на кровать. Растерянно оглянулась, словно видела эту комнату впервые. И тут на нее нахлынуло… Его крепкие объятья, смеющийся взгляд, улыбка, от которой у нее всегда замирало сердце.

Все было так просто.

Ее любовь к Саше никогда не имела ничего общего с любовью к брату.

И это пугало и приводило в отчаяние Динку, потому что она была уверена: для Саши она всего лишь надоедливая младшая сестренка, на которую он никогда не посмотрит как на женщину.

* * *

Клавдия Матвеевна никогда не походила на «стандартных» бабуль. Да и бабушкой ее можно было назвать с натяжкой. Разве что по факту – да, она женщина, у которой есть трое внуков. Но не более того.

Красивая, подтянутая, ухоженная, всегда в хорошем настроении, готовая ободрить и поддержать. К ней регулярно сватались, причем не только «дедки», но и мужчины в самом соку – лет на 10–20 младше ее. Но все стабильно получали отказ. Клавдию не интересовали серьезные отношения, хотя иногда и случались короткие бурные романы. Однако из семьи Клавдия не уходила, так как боялась оставить Динку один на один с несдержанной Тамарой. Та, конечно, пыталась не афишировать свою нелюбовь к старшей дочери, но получалось откровенно плохо. И с годами уже ни для кого не было секретом, что Тамара Славянова не слишком жаловала одну из своих дочерей. Нелюбовь прорывалась во всем: в вечных придирках, мрачном взгляде, раздражении. Тамару не радовали ни успехи дочки в школе, ни победы на танцевальных конкурсах (Динка весьма недурно танцевала аргентинское танго, классы которого и вела в местном Доме культуры «столичная штучка» Клавдия). Кстати, именно танго, которым сама Клавдия стала заниматься лет двадцать назад, стало отдушиной для женщины. Способом выплеснуть бурлившую в душе страсть.

Помимо уроков танцев Клавдия вела кружки и числилась массовиком-затейником в Доме культуры. Вот и сейчас, раскладывая на полу огромные вырезанные буквы, которыми планировала украсить новое мероприятие, женщина настороженно посмотрела на внука, сидящего напротив нее на столе. Невооруженным глазом было видно, что настроение у Сашки паршивое. Что-то разъедало его душу. И Клавдия догадывалась, что именно.

– Да не переживай ты так. Присмотрю я за твоей Динкой. Сегодня же к батюшке схожу. Попрошу, чтобы к военкому в гости заглянул и с матерью этого гаденыша потолковал. Катька – баба вменяемая. Верующая. Скандала не захочет. Быстро Федьке мозги на место вправит.

Катерина действительно была женщиной боевой. И, к счастью, по-своему набожной. Пожалуй, только она и могла держать в узде мужа и сына.

– Спасибо, бабуль, – с невольным облегчением выдохнул Саша. Он знал: на Клавдию Матвеевну можно положиться. Кто-кто, а она Динку в обиду не даст. – А то на душе неспокойно как-то…

– Еще бы! После случившегося! – невесело усмехнулась Клавдия.

Внук не знал, что вечером того же дня, когда случилось нападение на Динку и соседка «на хвосте» принесла новость, что Федора из-за Сашки в городскую больницу увезли, Клавдия пришла к Тамаре с требованием заявить на этого гаденыша в милицию.

Но Тамара отказалась делать это, не желая предавать случившееся огласке. Как и тогда. Много лет назад. Мысль о том, «что скажут люди», для дочери Клавдии оказалась куда важнее восстановления справедливости.

– Сама виновата! – слова Тамары в адрес Динки звучали как обвинения. – Нечего было его провоцировать.

– Ты тоже спровоцировала? – не выдержала, бросила возмущенная Клавдия. О чем сразу же пожалела. – Прости.

Тамара как-то резко успокоилась, замкнулась.

– Иди спать, мам. Поздно уже, – в голосе звучала неприкрытая усталость.

Клавдия с сочувствием посмотрела на дочь, пошла к себе. Зря она все же упомянула о том подонке.

А Тамара так и осталась стоять посреди кухни. Прошло столько лет, но тот проклятый вечер она до сих пор помнила во всех деталях. Да и как забыть, если живешь под одной крышей с той, которая каждый день напоминает тебе одним своим видом своего насильника-отца.

* * *

В ту ночь Тамару мучила бессонница. В голове все еще стояли слова матери: «Ты тоже спровоцировала?» И ответ, в котором она не хотела признаваться даже самой себе. В тысячный раз Тамара прокручивала сцену своего изнасилования, которое все эти годы пыталась забыть. Но стереть из памяти тот кошмарный вечер не получалось.

Нет. Хоть она в сердцах и бросила дочке фразу, что лучше бы Саша не вмешивался, на самом деле Тамара не желала Динке пройти через весь этот ужас, через который прошла она сама. Как бы она ни злилась на нее.

Кое в чем мать была права: какая разница, кто кого спровоцировал? Мужчина не имеет права прикасаться к женщине, если та против! Не имеет права ломать ей жизнь, душу… Но было уже слишком поздно думать об этом. Тамара хорошо знала: история не любит сослагательного наклонения. Есть вещи, которые уже не исправишь…

Но на Динку она все равно злилась, потому что из-за нее Тамара рисковала потерять Александра еще на два мучительно долгих года.

Армия.

Какое неприятное для женского сердца слово. Ведь синоним ему – разлука. А Тамара не хотела разлучаться с пасынком. Ей и так нелегко дались пять лет его учебы в университете. Каждый вечер пятницы она с нетерпением ждала приезда Саши из города к ним на выходные и злилась на Динку, которая всегда опережала ее, встречая брата на остановке. И не важно, дождь ли, снег был за окном.

Тамара ревновала Дину к Саше и завидовала ей. До отчаяния. Как завидовала в душе своим 35-летним ровесницам, многие из которых лишь несколько лет назад повыходили замуж. Из-за всех свалившихся на Тамару бед она чувствовала себя раньше времени постаревшей. И это было нечестно. На днях к ней на работу заглянула ее ровесница Лидка. Похвасталась молодым красавчиком любовником, который сделал ей предложение. Парню – двадцать пять. Ей – тридцать пять. И ничего. Живут и счастливы.

Тамаре казалось это аморальным. Ведь «жених» всего на пару лет старше ее пасынка. Аморальным и обидным… Потому что у нее так никогда…

* * *

На следующий день Клавдия Матвеевна сдержала свое слово, отправилась в церковь к отцу Андрею, с которым была знакома без малого десять лет.

Высокий, статный, с длинными седыми волосами, забранными в хвост, в очках, он не слишком-то походил на священника. Скорее на поэта-интеллигента из творческого бомонда. Однако внешность была обманчивой.

Добрый. Душевный. Понимающий. Клавдия всегда находила умиротворение после беседы с ним. Батюшка давал ей то, что не мог дать никто другой – покой на душе.

Пообещав взять под контроль ситуацию с Федором, чья мать Катерина была прихожанкой церкви, отец Андрей проводил Клавдию до ограды.

– Спасибо, батюшка!

– Всегда рад помочь. И передайте Александру, что я его жду. Пусть заглянет перед отъездом.

– Конечно-конечно.

Внезапно во взгляде священника появилась едва уловимая настороженность. Женщина обернулась. Неподалеку возле ограды стояла Тамара, на губах которой играла язвительная насмешка. Ее работа находилась неподалеку, так что мимо храма она проходила каждый раз, когда решала прогуляться до дома пешком. Остановилась и сейчас, заметив мать.

– Здравствуй, Тамара, – приветливо улыбнулся батюшка, прекрасно зная, что Славянова на дух не выносила ни его, ни все, что связано с церковью и Богом.

– Здрасти, – не слишком вежливо, сквозь зубы процедила Тамара, отвернувшись от священника, всем своим видом показывая, что разговор закончен.

Клавдия бросила на дочку укоризненный взгляд. Тамара была неисправима!

– Всего хорошего, Клавдия Матвеевна, – с доброй улыбкой попрощался батюшка, направляясь в храм.

– До свидания, батюшка! – попрощалась Клавдия, тут же обернувшись к дочери. – И что это было?

Вопрос был проигнорирован. В голосе Тамары звучал неприкрытый сарказм.

– Ну, и о чем ты на этот раз с попом секретничала?

Клавдия, с высоты своего житейского опыта, решила проигнорировать неприятный тон дочери.

– Том, ну ты чего на батюшку взъелась? Что плохого он тебе сделал? – миролюбиво поинтересовалась она.

– Терпеть не могу этого лицемерия, – Тамару как прорвало. – Вот ты каждую неделю в церковь ходишь, молишься и детей за собой таскаешь, хотя я запретила…

– Таскала и буду таскать, – с усмешкой отозвалась мать, убирая в сумочку красивый полупрозрачный платок. – Кто кроме родных за тебя молиться будет?

Слова матери заставили Тамару нервно рассмеяться.

– Ой! Я за себя молиться не просила. Ты сама далеко не святая! Ты как вообще молиться можешь, если ты что ни день, то грешишь?

Клавдия по-доброму рассмеялась.

– Да! Не святая! – с легкостью согласилась она с дочерью. – Только кто тебе сказал, что Бог только святых слышит?

Вопрос развеселившейся матери поставил Тамару в тупик. Не зная, что сказать, женщина лишь отмахнулась.

– Ай, да ну тебя! С тобой невозможно серьезно разговаривать!

Клавдия приобняла дочь, сводя назревающий конфликт на нет. Поменяла тему на куда более бытовую.

– Ты лучше скажи, к проводам-то все купила?

– Если б! – расстроенно отмахнулась Тамара. – Надо еще на базу съездить…

Мать и дочь отправились домой, переговариваясь на бытовые темы. Они и не подозревали, что в этот момент в церкви за их семью молился священник, веря, что однажды его прошения будут услышаны Богом. И раны, которые терзают Тамару все эти годы, бесследно исчезнут.

Проводы

– Валентина Григорьевна, туда на стол все составляй, – на ходу бросила запыхавшаяся Тамара блондинистой соседке, которая помогала им накрывать стол. Гостей на проводы Сашки обещало быть много. Благо друзей у парня хватало.

Сама Тамара в этот день выглядела непривычно нарядно. Волосы забраны в прическу, легкий макияж. Даже в одежде она ради Саши изменила себе. Вместо траура – ярко-красная атласная кофточка с коротким рукавом, заметно оживляющая облик Тамары. Это был тот редкий момент, когда Тома выглядела на свой возраст, а то и младше. Хотя тяжелый взгляд и неулыбчивое лицо все равно делали из нее женщину, которая сама себя сознательно состарила раньше срока.

Пока Тома с помощницами суетилась, накрывая на стол, в дверях появился и сам виновник проводов – Саша. Тамара тут же переключила внимание на него.

– Сын, ну ты где ходишь? Давай быстрей! За стол уже пора садиться.

– Я сейчас, мам, – отозвался парень.

Тамара поспешила к гостям. Будучи педантичной натурой, она волновалась, чтобы застолье прошло без сучка и задоринки. Лишние сплетни и пересуды о том, что она плохая хозяйка, ей ни к чему.

Пока Тамара с парой соседок накрывали на стол, Клавдия Матвеевна развлекала собирающихся гостей вместе со своим верным товарищем – бравым десантником Егором Дмитриевичем, лет эдак сорока пяти, лихо распевая застольные песни под его гитарный аккомпанемент. Когда Тамара ставила на праздничный стол разрезанный холодец, Егор, одаривая проникновенным взглядом Клавдию, сменил репертуар с шансона на попсу, исполнив специально для своей давней дамы сердца песню «Ах, какая женщина». Заметив пришедшего Сашу, Егор всполошился. Отложив гитару в сторону, тут же направился к будущему офицеру.

– Санек, привет! Ну, ты Родину там не посрами!

– Привет, дядь Егор! Постараюсь! – парень говорил, а сам осматривался по сторонам в поисках Динки. Он долго собирался с духом, чтобы откровенно поговорить с ней перед своим отъездом, но теперь, как назло, нигде не мог ее найти. Мать с утра то в магазин ее отправила, то к соседке за посудой, и так до бесконечности.

– Я в твои годы в армию рвался! – продолжал с энтузиазмом дядя Егор, не замечая, что мысли Сашки блуждают где-то далеко отсюда.

– Саша, иди к нам! – весело позвала Клавдия Матвеевна, вольготно расположившись на диване перед праздничным почти накрытым столом. – Мы тут музицируем!

– Потом, ба! Потом. Дядя Егор, ты меня извини…

Парень спешно направился на кухню, надеясь застать Дину там. Егор и Клавдия вернулись к жизнерадостному песнопению, не замечая туда-сюда носящейся с тарелками обеспокоенной Тамары, которая изо всех сил пыталась успеть накрыть на стол до прихода гостей.

– Мам, хлеб куда нести? – в комнате появилась Люся с подносом нарезанного черного и белого хлеба.

– На окно пока поставь, – Тамара бросила недовольный взгляд на распевающуюся мать. – Мам, ты бы хоть помогла.

– А я и помогаю! – как ни в чем не бывало весело откликнулась Клавдия. – Мы с Егором настроение нужное задаем. На кухне и без меня места нет. Ты же целую ораву помощников привлекла.

Клавдия была в чем-то права. Тамаре действительно помогали сразу три соседки (вызвались сами). Но даже это было для Тамары не аргумент. Тамара одновременно злилась на мать и завидовала ей. Злилась, потому что Клавдия беспечно перепоручила нарезку сыра подруге-соседке, и в то же время завидовала этой самой беспечности. Вот ей бы, Тамаре, так! Наплевать! Забросить все, в том числе и работу! И отдыхать в свое удовольствие, занимаясь только тем, что тебе по душе. Но поступить так она не могла. Из-за детей. Из-за той же матери, чья мизерная зарплата в ДК не вызывала ничего, кроме смеха.

– Салфетки… – всполошилась было Тамара. – Салфетки где? Не хватает! – с горечью добавив: – Мам, ну я же просила побольше пачек купить!

– Томк, да не гоношись ты так, – беззаботно отмахнулась Клавдия, – кухонных полотенец притащим, если кому чего не хватит.

От расстройства у вымотанной Тамары на глазах проступили непрошеные слезы. Она последние несколько дней как белка в колесе бегала, готовилась к проводам, и все ради чего? Чтобы проколоться на каких-то салфетках?!

Мать наконец-то почуяла, что с дочкой творится неладное.

– Томк, ты чего? – приостановила гитариста Клавдия, но Тамара, отмахнувшись, быстро вышла из комнаты.

Не хватало, чтобы гости увидели ее слезы. Тамара выбежала в сад. Сделав несколько глубоких вдохов, немного успокоилась. Взяла себя в руки, вытерла слезы.

Нервы сдавали… И салфетки тут совершенно ни при чем – Тамара и сама это прекрасно понимала. Просто Саша уезжает. Она не была дурой и понимала: в лучшем случае – на два года. В худшем – навсегда. Тамаре уже озвучили часть, где будет служить ее любимый пасынок. Именно из этого региона в прошлый раз в поселок и пришел тот самый злополучный «груз-200», который встречали, а потом хоронили всем районом.

Динке она пока об этом не рассказывала, потому что боялась ее реакции. И того, что та может выкинуть, лишь бы не дать Саше уйти.

* * *

Динка стояла на стуле в кухне, доставала с верхнего шкафа рюмки. Нарядно одетый Миша стоял тут же – страховал подругу, принимая посуду, и заодно любовался на стройные ноги девчонки. На Динке было надето ее выходное платье. Приталенное, чуть выше колен, нежно-бежевого цвета. То самое, в котором она была на выпускном. Не богатое, зато прекрасно смотрелось на фигурке, подчеркивая женские изгибы. Дина редко надевала такое. Обычно Тамара ей покупала куда более простенькую, неброско-мешковатую одежду. Словно сознательно пряча красоту дочери, которая с каждым годом проступала все сильней.

– Дин, давай я помогу. – Миша протянул руки, чтобы, воспользовавшись ситуацией, как бы невзначай приобнять девчонку, которая уже собиралась спускаться.

Но Динке были неприятны чужие мужские прикосновения. Она прекрасно понимала, что Миша хоть и хороший друг, но, по сути, такой же парень, как и остальные. И ничто мальчишечье – типа полапать понравившуюся девчонку – ему не чуждо.

– Миш, я же сказала – не надо, – стараясь скрыть раздражение, ответила Динка, поворачиваясь с графином в руках.

В кухню тем временем просочились деловитые нарядные Люся и Ботаник в домашнем фартуке. Они только что отнесли очередную порцию салатов на стол и пришли за картошкой и ароматной курицей, которая была запечена в духовке под сыром и майонезом. Валерка, мимоходом бросив взгляд на глупо улыбающегося Мишу, буркнул:

– Опять этот…

Мишку Валерка недолюбливал. Но не из-за ревности. А из-за… туполобости. Как и Динку, его раздражали люди, которые не понимают ни намеков, ни слов, даже когда им что-то говорят напрямую.

– Дин, картошку нести? – уточнила Люся, беря тарелку с жареным картофелем, только что вынутым из духовки.

– Неси, неси! – отозвалась старшая сестра, доставая последние рюмки с дальней полки шкафа. Для этого ей пришлось встать на цыпочки. Платье слегка задралось, Миша не смог удержаться, чтобы не полюбоваться стройными ногами Динки.

В этот самый злополучный момент на кухню и зашел Саша.

Красивый. Высокий. В джинсах и белой рубашке с короткими рукавами, которая невольно подчеркивала накачанные руки парня. На несколько секунд в кухне зависла немая сцена. Со стороны могло показаться, что Саша вошел не вовремя – как раз в тот момент, когда Динка с Мишей решили пообниматься.

У Саши от ревности буквально помутилось в глазах.

– Извините, что помешал, – отступил назад хмурый Александр. В его голосе отчетливо слышалась горькая обида на Динку. Он быстро развернулся и вышел, оставив в недоумении Мишу.

– Что это с ним? – в очередной раз удивился Миша, искренне не понимая, что происходит с Александром. Почему тот последнее время смотрит на него, как на врага.

Растерянная Динка молчала. Она бы и сама хотела знать, почему Саша так остро на все реагирует.

* * *

В воздухе витал запах вечерней летней свежести. Только что прошла гроза, оставив после себя многочисленные лужи. В одной из таких луж с прозрачной дождевой водой отражались золотые купола церкви.

Это было небольшое подсобное помещение, расположенное прямо под церковью. Маленький кухонный гарнитур, крошечный стол, два стула.

– Христе Боже, благослови ясти и питие рабом твоим, – отец Андрей перекрестил чай, и они с Сашей сели за стол.

Парень был хмур и молчалив. Отец Андрей, знавший Сашу много лет, прекрасно понимал, что с ним происходит. Пожалуй, он был единственным человеком, которому Сашка в минуты отчаяния еще несколько лет назад доверил свою сокровенную тайну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yasinskaya_yana/nelyubov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить